

The background of the entire cover is a monochromatic red illustration. It depicts a dense forest of bare, thin trees with intricate branch structures. In the center of the upper half, a bird is shown in flight, its wings spread wide, silhouetted against a lighter, circular glow that suggests a sun or moon breaking through the canopy. The overall mood is somber and mysterious.

МИЛЕНА МИЛЛИНТКЕВИЧ

БАСУРМАНИН
ДИКАЯ СТЕПЬ

18+

Милена Миллинткевич
Басурманин. Дикая степь
Серия «Басурманин», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48814091

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04869-0

Аннотация

Первая книга романа-дилогии. Половецкий хан Дамир совершает набег на Рязань. В его плен попадает княжна Владелина. Она – хранитель опасной тайны. Он – непокорный степной властитель. Их встреча оборачивается множеством испытаний, и вскоре становится ясно – всё не то, чем казалось на первый взгляд. К тому же злейший враг хана начинает гоняться за ним по степи, грозя уничтожить всех, кто встанет на пути. Рискнут ли герои бороться за неожиданную любовь?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	19
Глава 2	44
Глава 3	55
Глава 4	75
Глава 5	103
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пролог

– Всё вокруг иным станет. Погибель искать нет нужды. Сама к порогу явится.

Сгорбленный седой старик в длинном шерстяном балахоне, подпоясанном верёвкой, взял ухват, вытащил из печи томящийся горшок, большой деревянной ложкой помешал парующее варево.

Жаркий огонь всполохами освещал избушку. Развешанные по бревенчатым стенам и под потолком пучки трав, корней, связки грибов и ягоды на ветках, отбрасывали зловещие тени. Оглядевшись и заприметив корзину в углу, старик наклонился, извлёк белесые корни, понюхал, попробовал на зуб и бросил в кипяток. Достав с полки туесок, снял с него крышку, запустил внутрь руку и взял щепоть измельчённых веток.

– Плошку подай, – потребовал он в темноту.

Из-за печки вышла женщина в плотных шароварах и длинном верхнем платье с глубоким запахом, затянутом широким кушаком. Проседь, словно серебряными нитями украшала густые чёрные волосы, заплетённые в тугую косу, свисавшую до пояса. Покрытое тонкой паутинкой морщин лицо, не растеряло с годами привлекательности. И хотя её молодость давно прошла, горделивая осанка, точёный про-

филь и стройный стан привлекали внимание, а мудрость во взгляде только добавляли женщине стати. Много боёв кровавых, смертных из-за этой красавицы случилось в степи. Но, лишь духам, да хозяину избушки ведомо, каким ветром занесло эту степнячку в глухой лес.

Женщина неспешно подошла к столу, поставила плошку и присела на лавку. Старик высыпал в деревянную ступку веточки, взял с полки ещё один туесок побольше, набрал из него горсть сушёных почек и семян, растёр руками и ссыпал в плошку. Сорвал со стены лист и цвет иссохших трав и отправил к веткам, посыпав сверху горсть сушёных ягод. Взяв со стола толкушку, принялся измельчать собранное в труху, шепча заговорные слова. Избушка тут же наполнилась приятным дурманящим запахом. Когда крупных веточек в ступке не осталось, старик поднёс её к лучине, что стояла посередине стола, посмотрел, довольно кивнул. Высыпал содержимое в плошку и обеими руками принялся перетирать.

— Этого мальчишку до окончания времён ждать можно! — недовольно покосившись на дверь, пробурчал старик.

Снял с шеи, висевший на длинной верёвке холщовый мешочек, потянул тесёмку, отсыпал немного чёрного порошку и спрятал ценное снадобье обратно за пазуху.

Зачерпнув из плошки в деревянную ложку перетёртые растения, повернулся к печи и, высыпав в горшок, принялся помешивать жижу. Прошептав заговорные слова, старик взглянул на парующее варево и задвинул горшок обратно в

печку.

– Чарки неси и на стол накрой, – велел он.

Женщина молча встала и ушла в тёмный угол. Вернувшись, положила на стол круглый хлеб, завернутый в тряпицу, деревянную миску с крупными кусками жареного мяса и расставила посуду. Старик стоял у печи, протянув руки к огню, согревая иссохшие костлявые пальцы. Обернувшись и взглянув на стол, велел:

– Ещё одну давай.

Женщина вздохнула. Степнячкам не пристало перечить мужчине, тем более такому почтенному. Ни слова не говоря, она принесла ещё чарку и села. Старик достал из печи горшок с варевом и, зачерпнув деревянной ложкой, наполнил две чарки. Одну подал женщине, другую, поставил перед собой и сел напротив. Долго всматривался в отвар, потом сделал глоток и глухим голосом произнёс:

– Тёмные времена грядут, Магрура. Небо уронит на головы людей острые стрелы. Не слышать вокруг будет ничего, кроме стонов умирающих да криков каарганов¹. Из-под ног кровь сочится станет. Куда не ступишь, в какие земли не отправишься – всюду гибель ждёт. Отец на сына пойдёт. Брат на брата. Одни будут клинками изрублены, других затопчут кони резвые. А тех, что уцелеют...

Скрипнул засов. Тяжело склонившись под ношей, в низкую дверь с трудом протиснулся черноволосый отрок-при-

¹ Каарганы – вороны

служник в одежде, подобной той, что на Магюре. Едва не задев кадку с водой, примостившуюся на лавке у двери, он втащил на спине огромную вязанку дров. Бросив виноватый взгляд на старика, скинул поклажу у печи и сел, привалившись к её тёплому боку.

— ...Того, кто уцелеет огонь сожрёт, — не глядя на прислужника, продолжил старик.

— Никто не спасётся? — голос женщины дрогнул.

— Не многие уцелеют. Да и те, кто песнь хвалебную духам петь станет, вскоре погибель сыщёт.

От страшного предсказания женщина поёжилась. Страх тугими путами сковал тело.

— Ты говорил, ждёшь вестей из кыпчакских земель, чтобы решить мою участь. Когда отпустишь? — пытаюсь унять нарастающую дрожь, тихим голосом спросила она.

Старик сощурился, словно в глаза ему ударил яркий свет, внимательно посмотрел на женщину и встал. Повернулся к ней спиной и глухим голосом произнёс:

— Давно ли беду чувствуешь? Сколь ночей лютым холодом мачешься?

— Да, поди, уж пятой луне случится пора.

— Скоро, — бросив короткий взгляд на женщину, кивнул старик.

Подойдя к лавке с кадкой, принялся срывать ягоды с висевшей над ней ветки:

— Твой срок близок уже...

Старик смолк на полуслове, прислушался:

– Скачут к нам! Трое!

– Я ничего не слышу, почтенный Хамзир! – выпрямился молодой кыпчак.

– Тебе и не пристало, Гайлис. Ступай. Встреть путников.

Прислужник поклонился, прикрепил к поясу саблю, снял со стены колчан со стрелами. Сжимая в руке лук, Гайлис вышел из сеней, огляделся, прислушался. Огромные ветви старой ели прятали избушку от сторонних глаз, тяжёлыми лапами свисали до земли, скрывали махровым покровом крошечные оконца. Сквозь мохнатые сросшиеся ветви тонкой лентой из-под самой крыши, струился сизый дым. Цепляясь за кроны высоких деревьев, он вырывался из сумрачной мглы густого сросшегося леса.

– Видно, померещилось старому, – пробурчал Гайлис. – Тихо вокруг. Ни скрипа валежника, ни шелеста листвы, ни пения птиц...

За спиной хрустнула ветка. Молодой кыпчак прислушался. Издалека доносился плеск воды в реке, что у кромки леса. Но и он не нарушал величавый покой глухой чащи. Неожиданно совсем рядом тишину разорвал треск. Что-то упало в кусты. В тот же миг из травы послышалось шуршание. Выскочив на опушку заяц, петляя и прижимаясь к земле, бросился бежать. Гайлис вскинул лук готовый в любой миг пустить стрелу. Но за кустами и деревьями никого не было видно. Он огляделся. Треск повторился, и перед самым

носом с высокой ели упала шишка. Пнув её ногой, Гайлис тряхнул головой. Из маленького покосившегося хлева, ютившегося за избушкой и вросшего в непроходимые дебри, раздалось надрывное блеяние потревоженных овец и тихое конское всхрапывание. И в тот же миг с берега реки послышалось ржание нескольких лошадей.

Прячась за деревья и кусты, Гайлис пробирался к тропе. Стараясь не ломать сухие ветки, он подобрался совсем близко и притаился за старым дубом.

У воды стояли три всадника – по виду кыпчаки.

– Тропа вглубь леса тут, господин, – услышал Гайлис родную речь.

Ему показалось, что он знал этот голос. Только вот никак не мог вспомнить откуда.

– Верно ли, говоришь? Её не видно. То ли это место, Негудер?

– Мой господин, смотрите! Чёрный валун! За ним и начинается тропа. Узкая. Коням не пройти, их придётся оставить у реки, – услышал молодой воин знакомый голос.

– Отец! – с криком радости Гайлис выскочил из укрытия, и тут же мимо его головы пролетела стрела и вонзилась в ближайшее дерево.

– Неразумный мальчишка! – спешившись, пробурчал Негудер. – Разве почтенный Хамзир не говорил про осторожность? Только владение луком и саблей твою жизнь продлят! Чего выскакиваешь из-за дерева, словно заяц? Если бы

Усман тебя не признал, лежать тебе на траве, как поваленному дереву.

Но молодой воин, обрадовавшись встречи, казалось, и не слышал. Мигом спустившись по заросшей тропке, обогнул валун, скинул у старого комля² лук, стрелы и бросился к стоявшему поблизости воину.

– Усман! Брат! А я голос признал, а вспомнить, где слышал – не могу, – радовался Гайлис.

Но не успел он приблизиться, как Усман налетел на младшего брата и повалил на поросшие травой камни.

– Глупый кеде³! – прорычал воин. – Ты позоришь атасы⁴!

– Оставь его, Усман! – прозвучал сверху тихий голос третьего всадника. – Твой брат горяч и молод! Я сам обучу его. Из него выйдет смелый воин!

– Да, мой господин! – отпустив брата, поклонился Усман.

Гайлис поднялся. Он хотел взглянуть и рассмотреть того, кому подчинялись старшие воины, но получил от брата увесистый удар вбок и склонился не глядя.

– Далеко ли жилище Хамзира, Гайлис? – услышал он сверху тот же тихий голос.

– Здесь, недалеко, господин, – взглянуть в лицо воину он не решился. – Почтенный Хамзир знал, о вашем приезде. Велел встретить и проводить.

² Комель – разросшееся корневище старого дерева

³ Кеде – мальчик

⁴ Атасы – отец

– Веди! А вы здесь ждите.

Пропустив Гайлиса вперёд, воин стал пробираться по заросшей травой тропе вглубь леса.

– Приехал! Сам! – смерил придирчивым взглядом гостя старик. – Значитца, нет больше хана в степях у восточных лесов?

Хамзир налил в чарку отвара и поставил перед гостем на стол.

– Садись. Испей.

– Явуз-хан повелел, как его в курган уложат, немедля к тебе ехать, – гость уселся за стол. – Сказывал, ты всё наперёд знаешь.

– Верно, сказывал. Мне многое ведомо. Со мной духи говорят. Звери по перед гонцов вести приносят. Птицы об ушедшем и о грядущем поют. Лес, река, болото павших из мира духов возвращать помогают.

Взгляд гостя полыхнул недобрым огнём. Он приподнялся и схватился за торчавший из-за пояса кинжал.

– Не всех вернуть можно! – поспешил загасить это пламя старик. – Есть хвори, супротив которых духи власти не имеют.

Гость сник и опустился на лавку.

– Посему излечить Явуз-хана не мог ни я, ни духи. Никто! – Хамзир искоса поглядывал на молодого воина. – Срок его пришёл!

Гость залпом опустошил чарку, и старик поспешил налить ему ещё.

– Ответь мне! Явуз-хан стену вокруг становища, как у городов русичей заведено поставил? Из высоких деревьев, да с воротами на восход и закатное светило?

– Поставил. Да надобность её открыть не успел.

– Всему свой черёд! Настанут времена, и ты всё поймёшь. Созрели колосья в диких степях. Тугие, спелые налились. Ни лепёшек, ни хлебов из того зерна не испечь, кваса пенного не сварить, коням не скормить. Доверху заполнены амбары семенем коварства да людской злобы. Чтобы уцелеть в битве кровавой, неравной, тебе самому отведать зерна того придётся. Да запастись им впрок. Стена – то хорошо, то ладно. Да только одной её мало. Отмерь от той, что уже стоит степь такую, чтобы твоим лихим табунам ходить вольно хватило. Лес, что у реки промеж тобой и Великой степью возьми. Ещё одну стену поставь. Вдвое выше той, что стоит. Да с воротами на закатное светило.

– Дуришь, старик? – змеёй зашипел гость и подхватился с места.

И тут всё вокруг него переменилось. Избушка стала тесной. Стены, приблизились, давили и тяготили. Зловещие тени в мерцающем свете лучины, нависли над головой, вжимая в земляной пол.

– Довольно! – прокричал гость, и принялся расхаживать взад-вперёд по, вновь ставшей просторной избушке. – Коче-

вой народ не привык за стенами прятаться.

— Коли твоя правда, земля трижды успеет белым саваном накрыться. И лишишься ты головы буйной, и не явится никого, чтобы курган над тобой сложить. Не станет ни стара, ни мала из народа вольного, степного. Плоть твою растерзают каарганы, пока землю будет иссушать светило, поливать дожди, и лютая стужа не скуёт её вновь, укрыв побоище белым покровом.

— Ты разума лишился, старый? — Гость замер посреди избушки. Пальцы обхватили рукоять кинжала, глаза сузились и он злобно прошипел. — Погибель мне прочишь?

— Сядь! — грубо оборвал его Хамзир. — Ещё не всё услышал, зачем тебя Явуз-хан послал.

— Да как посмел ты мне слово поперёк сказать, старик? — выхватив из-за пояса кинжал, гость налетел на хозяина и повалил на лавку. — Пугать меня удумал? Забыл, кто пред тобой?

— Умолкни, сказываю тебе!

И откуда сила взялась у старика? Оттолкнув гостя, Хамзир выпрямился, словно был молод годами. В печи вспыхнул яркий огонь. Уродливые тени заплясали по стенам. Став в разы выше, он пошёл на разъярённого гостя.

— Ты тут власти не имеешь! — заговорил старик глухим голосом, пробиравшимся насквозь. — Кто бы ни пришёл в мой лес, всяко ниже меня. А кто иначе думать станет, враз голову сложит, ступив за порог.

Гость поёжился, тряхнул волосами, убрал кинжал и прошипел, сцепив зубы:

– Как пожелаешь, почтенный Хамзир.

– То-то же! – проворчал старик, и тут же сгорбился, согнулся, как и был прежде.

Огонь в печи утих, и тени, отбрасываемые кореньями и развешенными по стенам грибами и плодами, уже не пугали.

– Молод ты ещё. Того не ведаешь, что народ твой долгие годы жил за стенами. За сизыми холмами, в чёрных лесах у гнилого озера становище есть. Никто там не живёт. Гиблое место! Травы не растут, птицы не поют, люди не ходят. И только когда землю укутывает белый саван, туда возвращается зверьё.

Старик налил остывшего варева в чарку, поставил перед гостем.

– Пей. Силы тебе потребуются. Путь неблизкий, поспешать надо.

Гость присел на край лавки и залпом проглотил варево.

– Явуз-хан сказывал, у тебя есть то, что мне познать должно.

Старик внимательно оглядел сидевшего перед ним, достал из-за пазухи тряпицу и бережно развернул. На ней лежал кожаный лоскут, похожий на лист дуба и нанизанный на сплётённую из узких полос тесьму.

– Кинжал дай и руку, – велел старик.

Гость извлёк из-за пояса клинок и положил на стол. Хам-

зир сжал протянутую ладонь, острым кончиком сделал над-рез.

– Напой амулет жизнью!

Гость поднёс руку к кожаному лоскуту и перевернул ладонь. Алые капли упали на оберег, собрались в центре, набухли, вспенились и начали расползаться лучами в разные стороны.

– Угасшее пламя Явуз-хана! – закричал старик, указывая на висевший на шее гостя шнурок. – Сними его! Живо!

Гость рывком сорвал, висевший на шее амулет отца и бросил на стол. В тот же миг избушку озарил яркий белый свет. Вспыхнув, он окутал всё вокруг. И прежде чем глаза перестали видеть, рассеялся, будто и не было его вовсе. Алые лучи на обереге остановились, повернули на восход и, образовав круг, сомкнулись.

Хамзир снял с шеи мешочек с травами. Шепча тайную агму⁵, набрал немного, растёр между пальцами и посыпал поверх амулета. Порошок вспыхнул маленькими огоньками и лёг узором в виде дерева со сросшейся с корневищем кроной.

Старик взял кинжал и, подцепив тесьму, подал молодому воину:

– Никогда не снимай.

Гость снял с клинка оберег и надел на шею...

Чёрная тень пронеслась по лицу молодого воина. Он вско-

⁵ Агма – особый заговор, слово власти.

чил с лавки, заметался, будто ища выход. А не найдя, остановился напротив старика.

– Что ты сделал со мной? – глядя перед собой, невидящим взором, прохрипел гость.

Ответа не последовало. Старик смотрел, как задыхаясь, молодой воин хватал ртом воздух. Внезапно гость пронзительно вскрикнул, согнулся и повалился на пол. Завывая, как раненный зверь, он извивался и корчился от боли. И вдруг затих.

– Амулет принял тебя. В нём твоя жизнь и твоя погибель запечатаны. Его силу ведаешь? – Хамзир склонился к лежащему у его ног.

– Ведаю, – задыхаясь, прошептал гость.

– Духов познал?

– Познал.

– Принимаешь ли?

– Принимаю.

– Коли так, поднимись, хан. Используй амулет во благо, или он погубит тебя.

Тяжело дыша, гость встал. Хамзир подал ему чарку с холодным варевом и пододвинул на край кинжал.

– Испей. Силы разом вернутся. Да клинок не забудь. А это... – Хамзир положил перед ханом почерневший амулет, – это зарой на вершине кургана, что над Явуз-ханом сложен. В свою пору он послужит тебе. Сделаешь, как велю?

– Сделаю, – кивнул гость.

– Теперь ступай в хлев, запрягай двух коней. Гайлис покажет которых. С собой мальчишку возмёшь. Негоже ему за печкой сидеть. Глаз его вострый, ум изворотливый, сила в руках не дюжая. Да сноровки маловато.

– А второй конь для кого? Ты с нами отправишься?

– Не я. Моё место тут, в лесу. Он для того, за кем тебя Явуз-хан прислал. Поспешай. Светило к закату пошло. Пока мгла не спустилась, вам надобно реку перейти.

Гость почтительно склонился.

– Гайлис! – крикнул старик в темноту.

Дверь распахнулась и, нагибаясь, в избушку вошёл молодой кыпчак.

– Отведи господина, да коней покажи. С ним отправишься. А я пока в дорогу вам припасов собираю.

Лишь только за гостем закрылась дверь, к столу подошла женщина.

– Твой срок пришёл, Магрура! – не глядя на неё, старик складывал в тряпицу хлеб и мясо. – Настал черёд тебе покинуть меня. Когда понадобится – гонца пришли. Помогу.

По узкому берегу реки, окутанные лучами опускающегося за лес светила, всадники удалялись прочь от чёрного валуна. Над головами, разрезая крыльями радужные брызги, пролетел ворон. Громко прокричав, он взмыл вверх и исчез. А спустя миг, свалился с неба, бил крыльями и кружил над всадниками. Его тревожное лязгающее карканье разносилось по

округе. И вдруг он исчез.

У кромки леса из-за чёрного валуна на берег вышел старик с огромным вороном на плече. С воды, пряча от взора всё, чего коснулась, поднималась серая дымка. Старик поглядел вослед всадникам и тяжело вздохнул:

– Э-хе-хе... На погибель свою, хан, путь держишь. Вон она, голодной волчицей по кустам крадётся. На восход тебе тропки нет. На закат пойдёшь – себя потеряешь. В Великую степь отправишься – буйную головушку сложишь. К гнилому озеру воротишься – голодной погибель твоя будет.

Глава 1

Дюжина всадников спустилась с холма и поспешила к городским воротам. Зелёные плащи на плечах развевались, летели по ветру, догоняя нетерпеливое ржание. Со стороны Мурома ещё две дюжины ратников в боевом облачении, поднимая пыль, устремились к мосту. Они охаживали коней хлыстами, желая раньше других оказаться у стен Рязани. И вскоре, подъехав к переправе, остановились у перегородивших путь повозок. Три гружённые мешками телеги и крытая бричка заезжего купца встали поперёк, да так, что их ни конному не объехать, ни пешему не обойти. По всему, видать, у купчишки возчики непутёвые, с лошадьми управляться, как должно, не обучены. Вот и не справились.

– Прочь! Убирай обоз, купец! – выкрикнул ехавший впереди верховой. – Али не видишь – дружина из дозора возвращается.

– Да как же я тебе их уберу, коли лошади нейдут? – огрызнулся невысокий упитанный рыжебородый купец.

– Пошто перечишь? – взревел рослый плечистый всадник в подбитом богатой тесьмой плаще. – Сам не сдюжишь, так мы живо поможем! А ну-ка, братцы, навались!

Спешившись, ратники освободили дорогу, столкнув телеги на обочину.

Тряся телесами и причитая, купец кинулся к поклаже:

– Ах, вы, тати, окаянные! Разорили! Вот пожалею князю вашему, не укроетесь от воздаяния! – размахивая руками и грозя, ругался он, пока челядинцы загружали рассыпавшийся товар.

– Ты кому грозишь, лихоимец? – гудел басом ратник в расшитом плаще.

К мосту подъехали дружинники с холма. Впереди них на гнедом жеребце ехал молодой всадник в дорогих одеждах. Поравнявшись с телегами, он спрыгнул с коня и подошёл ближе.

– Тише, Артемий Силыч! Не сотрясай небеса понапрасну, – улыбнулся он разбушевавшемуся воину.

И оглядев обоз и раскрасневшегося от натуги купца, негромко спросил:

– Кто таков будешь и чего ищешь в Рязанских землях?

– Ступай своей дорóгой, малец! Коли сам по первой не назвался, так нешто я каждому отроку, что при коне, кланяться стану? – подбоченившись, недовольно пробурчал купец.

Артемий Силыч, шумно выдохнул и, растолкав челядинцев, встал во весь рост перед рыжебородом.

– Склони голову, нечестивец, – прогудел его грозный рык. – Пред тобою Рязанский княжич, Владислав Мстиславович.

Купец попятился и споткнулся о валявшиеся у ног мешки. Переменившись в лице, он сорвал с головы шапку, принялся

мать её и отвешивать поясные поклоны.

– Не гневись, княжич! Не признал я! – лепетал рыжебород. – Купеческие мы, я да дочка моя.

Он кивнул в сторону девочки лет десяти от роду, пугливо прятавшуюся за поваленную набок бричку. Её рыжая косичка крысиным хвостиком торчала из-под вышитого лентами очелья⁶.

– Вот, ремни, сумки поясные, упряжь конскую и прочую подпругу в Рязань на продажу везём. Всё из добротной кожи выделано, заботливыми руками сшито, – надеясь на щедрые барыши, рыжебород принялся расхваливать товар.

Купец быстро осмелел. Испуг перерос в явное любопытство, и он без стеснения разглядывал княжича и дружинников, обрадовавшись, что коли довелось сына правителя Рязани повстречать, да ещё с дружиною, то можно и пользу поиметь не малую.

Осматривая телеги, княжич искоса поглядывал на купца. Подняв с земли выпавший из мешка поясной ремень, покрутил в руках, потянул. Из другого достал конскую сбрую. Повертел, подёргал, оглядел со всех сторон и, усмехнувшись, передал неотступно следовавшему за ним Артемию Силычу.

– Взгляни, воевода! Сгодится сбруя-то для наших коней?

Опытный воин повертел в руках поганую упряжь, скривился и отбросил в сторону.

Лицо княжича помрачнело.

⁶ Очелье – девичий головной убор.

– Негоже, купец, брехать, как собака в ночи, – пенял он рыжебороду. – Гнилой у тебя товар. Выделка паршивая, нити во все стороны торчат, кожа трещит. На такую меч не повесить – оборвётся. Да и коню удила в тягость будут. Нешто люд Рязанский за эту мерзость платить станет?

Услыхав слова княжича, Артемий Силыч повернулся к городским воротам, где стояли три стражника, окликнул и махнул рукой. Двое так и остались на месте, а старший вскочил на коня и поскакал через мост. Спешившись, кинул поводья стоявшему неподалёку ратнику и склонился перед княжичем в ожидании приказа.

– Стража! Гоните в шею от ворот этого супостата. Товар сей пакостный ни у стен, ни на торжище продавать не позволяю. Купца ни пешим, ни конным в град не пущать.

Бросив короткий взгляд на рыжеборода и жавшуюся к нему девочку, княжич вскочил в седло.

– Слышал, чего велено? – вынимая меч из ножен, пригрозил купцу стражник. – Убирай повозки, не то в реке очутишься.

– Поспешать надобно, – подъехал к княжичу воевода. – Князь-батюшка поди заждался.

– И то верно сказываешь, Артемий Силыч. Догоняй! – выкрикнул княжич, и поскакал к городским воротам.

– Княже, позволь предстать пред очи твоя! – тяжёлая

дверь со скрипом распахнулась и, кряхтя, в неё протиснулся дородный мужчина с короткой бородой, едва тронутой проседью, в лёгкой шубе пурпурного цвета, расшитой богатой тесьмой, и такой же шапочке с парчовым околышем.

Его было столь много, что, казалось, он заполнил собой пространство не только светлицы, но и всего терема.

– Зоремир грамоту прислал, – прикрывая дверь, тихо произнёс он.

Сидевший в кресле Рязанский князь Мстислав Игоревич поднял на него опечаленный взор и махнул рукой, позволяя приблизиться.

– Дай-ка взглянуть, Яр Велигорович, – с грустью в голосе произнёс князь. – Сказываешь, Зоремир нас милостью одарил? Ох, чую неладное, худое! Нечасто он нас жалует. Авось чего путного присоветует, а?

Тяжело дыша, думный боярин Яр Велигорович Магута приблизился к княжескому возвышению и подал свиток.

– Так, за то его и почитают, князь-батюшка. То верно! Явит себя отшельник – быть беде! Но, ежели выйдет из леса, да молвит – всяк его слушает. Коли чего скажет – так то и случится.

Князь Мстислав развернул грамоту, пробежал взглядом по письменам, почесал седую бороду и передал свиток боярину:

– Как и сказывал – худое.

– Ужель молвит, лиха нам ждать?

– Читай! – велел князь.

Щуря глаза, Яр Велигорович заглянул в свиток, охнул и, вернув грамоту, произнёс:

– Одна беда, князь-батюшка. Когда сия напасть с нами приключится, Зоремир не указывает.

– Верно, сказываешь, Яр Велигорович. Не ведомо нам, когда лиха ждать. Только сидеть и горевать недосуг. Чай не из пужливых будем. От битвы ни отцы, ни деды наши не бежали. И нам не след. Коли случится – встанем за Русь-матушку, не убоимся. Не впервой! За тем в стольный град и путь держим, дабы заручиться словом князя Ярослава Муромского, да силой войска его укрепнуть, коли вороги нападут. Пошто же нам одним страдать?

– Твоя правда, княже! – одобрительно кивнул боярин. – Ежели в битву идти, так всем миром оно вернее будет.

Мстислав Игоревич встал с кресла и, подойдя к столу, налил в кубок квасу.

– Ты лучше поведай, всё ли к походу приготовлено?

Боярин спешно закивал головой:

– Всё, князь-батюшка. Снедь погрузить осталось и ладно.

– Поди, проследи, чтобы всё путём справили. Ежели Силыч из дозора воротился, вели явиться. Да службу позови, одеваться.

Склонившись, боярин попятился к двери.

– Ты, вот еще что, – шёпотом остановил его князь. – Вели там Владелину покликать. Боязно мне её одну оставлять да

ехать надобно.

– Да как же одну, князь-батюшка? – зашептал в ответ боярин. – А я на что? И воевода Артемий Силыч с дружиною при ней. Да и ты, чай вскорости воротись.

– Верны речи твои, да только печаль чёрная очи застит. Тоска лютая гложет, спасу нет! Кабы чего не вышло худого! И Зоремир, вишь, пугает! Покуда не ворочусь, вели ратникам, что при княжне поставлены, как себя её беречь. Тайну блюсти пуще прежнего! Поди-ка супостат какой прознает – беды не миновать!

– Ох, князь-батюшка! Беда-то вона за стенами ходит, копья, стрелы вострые вздымает, сабли да мечи точит! И ладно бы одни басурмане, так и соседи в нашу сторону взор обратили. Всё глядят, что у нас, да как? Засылают людишек, крамолу ищут! Долго ли ещё нам получится скрывать тайное?

– Сколь потребуется, столь и будем скрывать! – цыкнул на боярина князь. – Я бы и рад остаться, да не могу. Как град поставили, так всем земли эти надобны стали. Того гляди на Рязань рать поднимется! Посему заступничество Муромского князя нам пуще прежнего потребно. А ты дело своё знай, да за порядком следи.

– Всё исполню, княже, не кручинься, – пыхтя, боярин ещё раз поклонился и вышел вон.

– Княжича Владислава к князю! – слышался удаляющийся голос тиуна⁷.

⁷ Тиун – управляющий княжескими делами в тереме.

Оставшись в одиночестве, Мстислав Игоревич медленно подошёл к массивному столу, примостившемуся в углу под оконцем, и засунул свиток с худыми новостями в дорожную суму, поглубже.

Скрипнула дверь. Кланяясь, в палаты вошёл невысокий щуплый служка. Следом за ним два отрока внесли княжеское походное одеяние, сложили всё на лавку, отвесили земной поклон, и, не поднимая голов, вышли.

– Изволишь ли, княже, снарядиться? Одежда твоя готова.

– Да, путь неблизкий, поспешать надо.

– Батюшка!

В светлицу вбежал княжич в новом зелёном аксамитовом⁸ кафтане с золотыми зарукавьями, украшенном шитой каймой, и такого же цвета сафьяновых сапогах. Заприметив огнищного⁹, суесящегося у княжеских сундуков, смутился и замер посередине светлицы.

– Скройся, покуда не позову, – приказал князь службе.

Огнищный, не поднимая головы, отвесил поясной поклон и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

– Чадо моё!

Быстрыми шагами Мстислав Игоревич подошёл к наследнику и обнял, спрятав от волнения лицо в волосах Владислава.

– Случилось недоброе, батюшка? – отстранившись, кня-

⁸ Аксамитовый – парчовый

⁹ Огнищный – княжеский прислужник

жич будто почувствовал неладное.

– Слухи дошли – беспокойно в округе, – присаживаясь на лавку и увлекая его за рукав, начал князь. – Пока меня в Рязани не будет, держи ухо востро. Коли случится чего, не мешкай, дай знать в Муром. Вернее станет послать двух гонцов – по реке и по земле.

– Отчего тревожно тебе так, поведай! Худые вести? – княжич смотрел с волнением и трепетом.

Мстислав Игоревич тяжело поднялся, подошёл к столу, сунул руку в дорожную суму. Поначалу хотел достать грамоту от Зоремира, да передумал. Взял ту, что лежала на столе, и подал наследнику.

– Взгляни! Из-за реки прислали. Ратники повадились, то ли Переяславские, то ли Суздальские, то ли ещё чьи. В боевом облачении являются. Покажутся на берегу, постоят, на Рязань поглядят, об чём-то промеж собой поговорят, походят и уедут. Жители деревни страшатся гостей незваных. Упросили старосту челобитную писать.

– И часто показываются сии ратники? – княжич задумчиво изучал письмена.

– Частенько! Две-три зорьки их нет, потом опять наведуются, жителей распугают, смуту внесут и уедут.

Владислав вернул свиток отцу.

– Много их?

– До дюжины будет. Ты посматривай на другой берег. Мало ли чего приключится. Не к добру это.

– Не печалься, батюшка! Присмотрю.

Князь положил свиток в суму.

– Тебя еще что-то гложет. Об чём печаль твоя, поведай!

– О тебе, чадо моё! Никогда прежде мы так надолго не разлучались.

– Так останься! – тоскливо попросил Владислав.

Длинные пряди цвета льна, схваченные золотым обручем, шёлком струились по плечам. Мстислав Игоревич тяжело вздохнул, подошёл к княжичу и поправил выбившиеся из-под обруча волосы. Грустная улыбка тронула его губы.

– Али тебе не ведомо, сколь тяжко мне оставлять любимое дитя?

– Знамо, батюшка. Токмо ты всё одно едешь.

Владислав высвободился из объятий и, отвернувшись, отошёл к оконцу, чтобы не глядеть на отца. Из распахнутых створок доносились крики. На теремном дворе суетились служки, завершая погрузку припасов на повозки.

– Мне должно ехать. Князь Муромский ждёт. Дело у него к наместникам. Будем думать, где оборонительные крепости и сторожевые башни ставить, да земляные валы насыпать, для защиты от набегов басурманских. Рязань ещё не окрепла силою. Град наш только в том годе стеной оброс. Его и ставили-то на границе с землями кочевыми, дикими. Ежели явится супостат какой, нашей дружине тут биться. Мало ратников у нас. Посему, без войска муромского не выстоять. А коли князь Ярослав слово крепкое сдержит да подсобит в

тягости, и ему спокойнее, и нам подмога.

– Полагаешь, князь Ярослав поднимется за нас, коли придётся бой принять с басурманами?

– Поднимется! Земли-то княжества Муромского, хоть и окраина. Куда ему деваться? Коли нас пожгут да разорят, его стены зараз вослед падут. Промеж Муромом, половецкими и хазарскими ханами, прочими басурманами из Великой степи вроде Джамбулата Хорезмийского, токмо Рязанская земля и стоит. Да и про соседей-славян не забывай. Вона, по берегу с мечами и копьями бродят. Чьи будут, тебе ведомо? Князя Святослав да Олег давно на земли Рязанские зарятся. А Гориславич так и вовсе... Тебе в то лето токмо десять годин минуло, а он ко мне да не гонцов прислал, сам пожаловал. Владелину себе в жены сватать. Раньше прочих хотел сговориться. С тех пор многие в нашу сторону поглядывают, да земли промеж собой никак не делят. Стало быть, нам тут насмерть биться. Не станет нас, не уцелеть и Мурому.

Княжич обречённо кивнул и повернулся.

– Ты скоро воротишься? Тягостно мне, словно беда близится.

В его голосе было столько тоски, что в груди у князя защемило.

– Мне то не ведомо. Ярослав Муромский, правитель толковый. А вот Суздальский наместник Фёдор Глебович, да князь Изяслав Ростовский – всё об своём всякий раз твердят. Тяжко с ними дела вершить. Одна надега – не схотят

они земель лишиться, да встанут за нас, коли срок придёт.

Князь замолчал. Искоса поглядывая на наследника, заметил, Владислав совсем загрузил.

– Кликни-ка там одеваться. Пора, – вздохнув, попросил Мстислав Игоревич.

Но не успел княжич сделать шаг к двери, она тихонько скрипнула, и в светлице появился служка. Снарядив князя в походные доспехи и застегнув отороченный золотой каймой плащ, он низко склонился, ожидая приказания.

– Ступай! – отпустил огнищного Мстислав Игоревич и взглянул на Владислава.

– Может, всё же останешься? – услышал он робкую просьбу.

Тряхнув седовласой головой, князь подошёл к окну и положил на лавку шлем.

– Ты страшишься остаться правителем, дитя? – рука князя легла на плечо княжича. – Вот уж и помыслить не мог!

– Нет, батюшка. Тебе почудилось, – решительно посмотрел на отца наследник. – Мне тягостно расставаться с тобой.

– Придёт день, чадо моё, и мы расстанемся навсегда. Эта доля никого не минует.

Мстислав Игоревич смотрел на наследника, будто стараясь наглядеться впрок. Бережно притянул голову княжича, поцеловал в лоб, легонько коснулся волос и, будто опомнившись, резко отдернул руки, отвернулся и отошёл.

– Дам тебе наставление, – заговорил он хриплым голосом,

укладывая, всё ещё лежавшие на столе свитки, в дорожную суму. – Дружину, мастеровых и люд Рязанский да пришлый купеческий не обижай. Решай всё по справедливости. Ежели чего, затруднение какое, или споры, завсегда совета у Магута спрашивай. Он умён и рассудителен. Науки изучай прилежно, не бросай. В книгах мудрость и величие. Фёдора не злоби. Он второго дня жалобился на тебя, мол, княжичу всё одно мечом махать, али булавой, лишь бы не над свитками сидеть. Сказывал, ты от него ускакал за стену, забросив учение.

– А пошто он один и тот же третьего дня к ряду суёт, нешто я дитя неразумная, с одного присесту не понимаю, – принялся оправдываться княжич.

– Значится, не понимаешь, раз даёт. Не серчай на старика, он добра тебе изволяет¹⁰.

– Твоя воля, батюшка.

– Вот и славно! – улыбнулся Мстислав Игоревич. – Артемий Силыч хвалит тебя. Сказывал, ты уж не раз его сразить успел в нешуточном бою. Ратуй с наставниками каждодневно, рукам булаву и меч знать должно. Забросишь дело ратное, почитай, сызнава начинать...

Раздался стук. Тяжело скрипнув, дверь распахнулась, выпуская в светлицу пыхтящего и кряхтящего боярина.

– Всё готово, княже, – бросив короткий взгляд на Владислава, выдохнул Яр Велигорович.

¹⁰ Изволяет – желает.

– Ну, стало быть, пора! – С трудом отведя взор от наследника, вымолвил князь, надел шелом и пошёл к двери.

– Присмотри за Владелиной, – шепнул он, проходя мимо боярина.

– Не кручинься, князь-батюшка, всё исполню, – тихо сказал ему в ответ Магута и уже громко добавил. – Поезжай с миром.

Княжеский двор гудел народом: ратным и мастеровым. Заканчивались приготовления к малому походу. Кузнецы да оружейники ещё раз проверяли, все ли щиты прочны, а мечи наточены, все ли лошади подкованы, все ли доспехи у ратников целы и нет ли в чём надобности. Теремные служки сновали то тут, то там, завершая погрузку в обозы провианта, посуды и прочей необходимой в походе утвари.

Спустившись с крыльца, Мстислав Игоревич удивился, увидав воеводу, державшего за узду своего мерина и гнедого любимца княжича коня Буяна.

– Помнится, я повелел тебе град Рязань защищать в моё отсутствие да радеть¹¹ за обучение княжича.

Артемий Силыч покосился на воспитанника, спустившегося с крыльца вслед за отцом. Бросившись к Буяну, Владислав потрепал пышную гриву, погладил морду.

– Далече собрался, княжич? – в голосе Мстислава Игоревича звучал укор.

¹¹ Радеть – способствовать

– Провожу за ворота. Да и верхом охота проехаться, – улынулся княжич, радуясь скорой прогулке.

– Ты же в дозор сегодня хаживал, – удивился Мстислав Игоревич. – Неужто и дня без коня прожить невмочь?

– Твоя правда, батюшка. Но тебе ведомо, как мне любо на Буяне выезжать.

– Что же, противиться не стану. До моего возвращения ты в Рязанских землях наместник. Тебе и дела вершить.

Князь тяжело вздохнул и, повернувшись к воеводе, тихо добавил:

– Присмотри за воспитанником.

– Не тревожься, княже, – кивнул Артемий Силыч. – Из виду не выпущу.

Князь тоскливо взглянул на боярина Магуту. Тот лишь развёл руками.

Когда Мстиславу Игоревичу подвели коня, он похлопал его по спине и не без натуги взобрался в седло. С тоской оглядел теремной двор и, дёрнув поводья, выехал за ворота.

– Старееет князь-батюшка, – услышал Владислав за спиной голос боярина Магуты. – А бывало...

Княжич сцепил зубы. Не по нутру ему были разговоры о возрасте отца. Он понимал, что, скоро настанет миг: ни от болезни, так от ран, полученных в бою, батюшка оставит его. И того дня княжич страшился, ждал его с трепетом и ужасом. Синие глаза потемнели. Гневный взгляд заставил боярина смутиться. Но долго злиться на Магуту Владислав не

мог.

– Не серчай, Яр Велигорович, – положил он руку на плечо боярину и заглянул в лицо. – Горько мне что-то, нутро сдавило, не ведаю отчего.

Магута понимающе кивнул, и княжич, вскочив в седло, выехал со двора. Воевода и два верховых не отставали, ехали чуть поодаль.

Обогнав обоз и ратников, княжич поравнялся с отцом, когда тот миновал мост.

– Тут мы расстанемся, батюшка, – стараясь не выказывать волнение, Владислав улыбнулся отцу. – Поезжай. Да хранят тебя духи и боги вышние!

– И тебя, дитя моё, да уберегут небеса от беды.

Помахав отцу, княжич повернул к холмам и, подгоняя Буяна, помчался на вершину ближнего. Артемий Силыч и два верховых отправились следом.

Ветер трепал волосы. Резвый конь, как на крыльях, нёс всадника по зеленеющему лугу. Оказавшись на вершине холма, княжич потянул удила. Взирая на догоняющих верховых, усмехнулся:

– Я опять вперёд вас управился.

– Тебе во всём должно лучше своей дружины быть, – воевода спешил, отстегнул плащ и, хитро улыбаясь, извлёк из ножен меч. – Не желает ли княже поразмяться? Или может булавы достать?

– Нет, Силыч, я токмо на град взгляну.

Подставляя лицо ветру, Владислав смотрел вдаль на возвышавшиеся стены Рязани, видневшиеся крыши терема и новую колокольню.

– Ратное дело забывать не след! – поучал воевода. – И то, что князь в Муром отправился, ещё не причина от дела лытать¹².

– А я и не лытаю, – Владислав отвернулся от Рязани и удаляющегося княжеского обоза и обратил взор в дикие степи. – Силыч, как мыслишь? Вон на том холму, что выше всех, башню сторожевую надобно поставить. С него хорошо басурманские земли видать.

Спрятав меч в ножны, Артемий Силыч подошёл к княжичу.

– Явится князь-батюшка с совета, и поведаешь ему об том. Думается мне, они об том же порешат.

– Хорошо, коли так. А нет, так мы сами сторожу поставим. Что думаешь, хватит нам силёнок-то?

– А что, добрая задумка, – закивали головой верховые. – Место знатное.

– Силёнок хватит! – согласился Артемий Силыч. – Справим! И нам спокойней, и князю Муромскому не в наклад.

Нравилась воеводе цепкая хватка юного правителя, его стремление постигать ратную науку, мудрость, предусмотрительность, неустрашимость и решительность.

¹² Лытать – уклоняться, избегать дела.

Сотник старательно осматривал выкованные накануне мечи, клинки, проверял на прочность щиты, когда с заднего двора, запыхавшись, в кузню вбежал княжич.

– Ивач, я на булавах биться хочу, – выкрикнул он и с любопытством уставился на деревянный настил, щедро заваленный новым оружием.

– Какой приткий, – усмехнулся сотник. – Дай срок, разберусь в кузне, да погоняю тебя. Ещё пощады просить станешь. – Не стану.

Взяв с наковальни отдельно от прочего оружия лежавшие парные мечи средней длины, княжич повертел их, взмахнул руками, с силой опустил, послушал, рассёк воздух крестообразно, восхищаясь изяществом и лёгкостью клинков. Положив мечи на настил, легонько дотронулся до рукоятей, погладил, с интересом разглядывая и любуясь красивыми витыми косами.

– Не по чину мне пощаду выпрашивать, – повернулся княжич к сотнику.

– Ишь ты каков! Не по чину! А помнишь, как десяти годов отроду на коне первый раз в поле выезжал? Тоже тогда хорохорился! И что? Скинул тебя гнедой. Хвала духам и богам вышним из-под копыт достать успели! – усмехнулся воин, с улыбкой поглядывая на княжича. – Говорили тебе – не объезжен конь. Куда? Ан нет, и слыхивать ничего не желал. «Велю» и всё тут!

– Нет в том моей вины. Конь чего-то спужался. Вот и встал на дыбы, – попытался оправдаться княжич, от смущения зардевшись, словно девица красная.

Отвернувшись от сотника, вновь принялся разглядывать аккуратно сработанные мечи. Ивач, улыбнувшись, хмыкнул.

– Да и ты оказался неробкого десятку. Упал, а не плакал. По всему видать было – спужался, да виду не показывал и на подмогу никого не звал. Я тогда ещё князю Мстиславу сказывал, что из тебя выйдет добрый всадник.

Говоря это, сотник брал с настила один меч за другим. Вытягивал руку вперёд, проверяя прямоту лезвия, рассекал им воздух, прислушиваясь к ровному свисту, клал на ладонь, раскачивая клинок из стороны в сторону. Мечу не должно подвести воинов в случае набега. Посмотрев весь ратный арсенал, старательно сработанный за последние дни кузнецами, Ивач довольно кивнул и вышел во внутренний двор.

– Эх, хорошо-то как! – выдохнул Владислав, выходя за сотником следом.

Ивач смерил княжича потяжелевшим взглядом и глухо произнёс:

– Хорошо, да тихо. Уж больно мирно в последние дни. Быть беде.

– Просто ветер сник, светило к закату пошло, вот и стихло вокруг. Чего понапрасну страху нагоняешь, – кивнул княжич на притихшего Ончутку, отрока лет тринадцати, всегда крутившегося подле ратников. Его отец, Гридя, служив-

ший подручником у сотника, отвечал за оружие, кольчуги и прочие доспехи и, целыми днями проводил в кузне. И сына к делу приучал старательно.

– Могёт и так, княжич. Токмо быть беде али нет, то лишь духам да богам вышним ведомо, – глядя на небо, согласился Ивач.

– Тебе по нраву пришлись парные мечи?

За спиной княжича раздался робкий голос. Владислав и Ивач обернулись. Пред их взорами предстал Ончутка. Отрок лет пятнадцати тянул за рукав упирающегося великовозрастного дитятя по имени Пруша, на две года младше княжича, но на голову выше и вдвое шире того в плечах. Работа в кузне сделала его крепше иных молодых дружинников. Ивач часто говаривал, что Пруша догуливает последний год в отрочестве, опосля, выйдет срок, из него получится добрый ратник, коли уж силой наделён не дюжей, да умишком крепким. Завидя перед собой княжича, Пруша так и норovil с испугу показаться малым отроком, потому как раньше не доводилось ему представлять перед очами правителей.

– Это Пруша сработал. Он и рукояти косами заплёл. Сказывал, у мамки его такие. Тугие да крепкие.

Дитятя отвесил земной поклон. А когда выпрямился, столкнулся взглядом с княжичем.

– Ты сработал? Сам? – не без интереса разглядывал он Прушу.

– Я, – пробасил тот и потупил взор.

– Правду рассказывай!

– Да он это, он, – вступился Ивач за подмастерье. – Только мы с кузнецом ему велели рукояти покрепше сработать, а Пруша, вишь, косы заплёл! Небось, когда ковал, о девице какой думал, а? Есть у тебя уже невеста на примете?

– Тятя не велит. Рассказывает, рано мне ещё... – басом гудел Пруша, искоса поглядывая то на княжича, то на сотника, а то и вовсе бросая гневные взгляды на Ончутку.

Ивач усмехнулся и потрепал отрока по вихрастой голове.

– Ну-ка, неси сюда мечи! – приказал княжич. – Да себе прихвати, какой по нраву будет.

С опаской покосившись на Ивача, Пруша исчез в кузне. Вернувшись, он вынес два меча с рукоятями-косами и ещё один – длинный, узкий, тяжёлый двуручник.

– Добрый ты меч выбрал! – похвалил княжич, принимая оружие и становясь в стойку. – А не тот ли это, что воевода Артемий Силыч для себя заказал взамен сломленного под Муромом?

– Он самый и есть! – кивнул сотник, предвкушая любопытное состязание. – Вот и поглядим, Пруша, годишься ты княжичу нашему в малую дружину, или твоё место стенами кузни отмеряно.

Пруша испугался. Крепко сжимая рукоять двуручного меча, он попятился, пока не наткнулся спиной на створку воротины.

– Ивач, не губи! Смилуйся! Негоже мне дело сие! Не вста-

ну я биться супротив княжича, – загудел Пруша, оглядываясь по сторонам, словно ища поддержки у стен, ограды, деревьев и людей, что сновали по другую сторону подворья, выходящего на торжище, и не могли видеть за высокими заборами двор кузни.

– А супротив басурмана встанешь? – посерьёзnel княжич. – Ну-ка, не робей! Неужто тебя Гридя с Ивачем худо к делу ратному приспособили? Знамо, ты не запросто так при кузне подъедаешься. Покажешься, я сам за тебя Силыча просить стану. Пойдёшь ко мне в малую дружину? Али не любо тебе дело ратное?

– Любо! Да коли я тебе, княже, рану причиню? Мне же головы не сносить, – всеми силами старался увильнуть от сражения Пруша.

– Ты аще звона не услышал, мечом и разу не махнул, а про раны рассказываешь, – усмехнулся Владислав.

– Княжич, послушай совета дельного, не зли мальчика. Горяч он, когда за живое затронешь. Спит и видит себя в дружине, – усмехнувшись, шепнул Ивач, стоя за спиной у Владислава, то ли случайно, то ли нарочно позабыв о горячности и самого княжича.

– Мне об том Ончутка поведал лишь снег сошёл. Вот и вздумалось поглядеть, так ли он горяч, как про него рассказывают, – не отводя пристального взора от Пруши, ступая во-круг досмерти перепуганного подмастерья, словно дразня и его, и сотника, отвечал княжич.

Пруша стоял с двуручником наперевес, и злость чёрными волнами подкатывала к горлу. Мало того, что княжич требовал от него биться, так ещё и Ончутка наушничал сотнику.

Обойдя Прушу со спины и оттолкнув от воротины, княжич легонько пнул его вбок остриём меча.

– От меня не отвертись, Пруша. Сразиться всё одно придётся. Бейся, или велю Гриде на торжище тебя батогами выпороть и в пастушки определить. А тронешь Ончутку или слово ему какое поперёк скажешь, в землекопы сошлю. Будешь до скончания времён чёрную работу править. Нет большего поругания для воина, чем за спины сотоварищей прятаться, зараз запомни сию науку.

Закипело нутро у Пруши. Зашумело в голове. Больше прочего виделось, что примут его однажды в княжескую дружину. Будет он защищать город и землю, по которой ходит. А крутить хвосты коровам, да ракитовой лозиной гусей гонять – то дело не про него. Но больше всего зацепило отрока, что его пороть станут. То же срам какой! После такого поругания каждый, кому он встретится, его трусом величать станет. Мол, не в бою смертном, а в шутейном поединке с княжичем встать воспротивился.

Чёрной работы Пруша не боялся, если бы не поношение. Как матушке в глаза поглядит? Куда тятё от стыда деваться? Кто сестёр замуж возьмёт, коли молва разнесёт по округе, что брат их крамолой отмечен?

– Не обессудь, княжич, ежели на солому алым накапаю.

Я тебе худого не желал. Сам ты меня к тому принудил, – прогудел Пруша и кинулся в бой.

– Вот, сие дело! – отбивая удар за ударом, раззадорился княжич. – Поглядим, который из нас крепше, а который ловчее будет.

– Так тут и спрос невелик, – подмигнул Ивач неожиданно не гадано воротившемуся с торжища кузнецу Кулаге. – Который каждодневно ратует да по окрестным лугам от зори до зори верхом носится, тот и ловчее. А уж которого из кузни затемно не спровадить – как есть крепше.

Привлечённый разговорами Пруша, завертел головой по сторонам, отвлёкся и в тот же миг княжич выбил из его рук двуручник, а в горло отроку упёрся острый кончик парного меча.

– В бою головой вертеть надобно, чтобы с нею не расстаться, – опуская клинок, добродушно усмехнулся княжич. – Да и в шутейном поединке не пристало по пустякам в сторону пятиться. За мной сей бой будет.

И видя, как потух взор отрока, добавил:

– Кулага! Сыщи аще одного помощника. А ты, Ивач, вели Гриде на утренней и вечерней зорьке супротив Пруши ратников молодых выставлять. Да пусть меч берёт по руке. Рано ему к двуручнику прилаживаться.

– Твоя воля, княжич. Исполню, как сказываешь, – задумчиво почесав бороду и подмигнув Ончутке, кузнец похлопал Прушу по плечу.

– Потемнело небушко! Вот и день кончился, – вздохнул Ивач.

– И опять я на булавах не обучен, – пробурчал Владислав и, подхватив парные мечи, направился было к терему.

– Погодь, княжич! – остановил его кузнец. – Ранёхонько к клинкам прилаживаешься. Поутру заберёшь. Пущай Пруша их как дóлжно заострит.

– Добро! – согласился Владислав, положив клинки на деревянный настил, и вышел из кузни.

– Не кручинься, княжич, – утешал сотник. – Коли будет на то воля духов да богов, светило поутру встанет, возьмём лошадей, ратников, да булавы крепкие, и поедем в поле. Разомнёмся! Покажем удаль молодецкую! Да и мечи новые проверить надобно.

– И то дело сказываешь, Ивач. Добре придумал, – согласился княжич и поспешил в терем.

Глава 2

Большие костры пылали, согревая дымящиеся котлы. На вертелах поджаривалось мясо. Терпкий аромат пряного варева разносил по степи прохладный вечерний ветерок. И тихое ржание коней, пасущихся на зелёном шелковом ковре из сочной молодой травы и цветов, несло из низины. Соорудив из гружёных повозок и лёгких шатров походное стойбище, войско кочевников расположилось на ночлег.

Под большим одиноко растущим деревом, хохоча и громко переговариваясь, стояли кыпчаки. Они по очереди вскидывали луки, метили в сторону арбы, находившейся неподалёку, и стрелы, одна за другой, вонзались в землю рядом с девочкой лет десяти, лежащей связанной у телеги. Затравленно и обречённо глядела она на происходящее заплаканными глазами. И когда очередное смертоносное жало вонзалось в землю рядом с головой, она уже не вздрагивала. Ей было всё равно – жить или умереть. А чуть поодаль со связанными руками и конскими путами на ногах, скулил рыжебородый купец, содрагаясь всем телом, всякий раз, когда свист стрелы разрезал тишину вечерней зари. Только не трогали кыпчаков ни горестные стенания отца, ни ругательства, ни проклятия, которыми купец осыпал себя за то, что взял дочь в опасное путешествие.

Возле большого шатра, поодаль от забавляющихся кочевников, на походном троне восседал молодой хан Дамир. Оглядывая на игрища воинов, он с довольной усмешкой натирал саблю. Этот роскошный клинок получен им в дар прошлым летом из рук грозного Джамбулата, военачальника Великого Хорезма, державшего в страхе Дикую степь.

– Пожалуйста, прекратите! Молю вас!

Истошный крик пленного купца привлёк внимание хана.

– Мансур! – позвал он стоявшего за спиной сарацина огромного роста. – Тащи сюда этого недобитого вепря.

Великан молча кивнул, подошёл к телеге, схватил за ноги купца и поволок по земле. Рыжебород извивался и причитал, когда его тучное тело подпрыгивало на кочках. Бросив пленника перед ханом, Мансур, сложив руки на груди, и встал за спиной господина.

– Не убивай, прошу! Я тебе услужу. Я... Я любое слово твоё исполню, всё, что пожелаешь! – дрожа от страха, заискивающе тараторил купец, оглядываясь на девочку. – Об одном молю, дитя не губи. Она у меня единственная.

Рыжебород подполз к ногам хана и, склонился было к его сапогам. Но Дамир грубо отшвырнул пленника.

– Я тебе пригодиться смогу, только не губи, – обливаясь слезами, причитал рыжебород.

– Пригодишься, говоришь? Исполнишь всё, что пожелаю? – склонившись к пленнику, змеёй прошипел Дамир на языке русича. – Хм...может, и так.

Во взгляде хана заплясали искорки бешеного огня.

– Привяжите к арбе. Я с ним на зоре продолжу, – прошипел хан не глядя на купца, и на своём наречии обратился к Мансуру. – Девчонку отведи к Маре. Пусть накормит. Может и вправду сгодится этот рыжебородый вепрь. Не ради себя – ради неё стараться будет. Убить или продать девчонку я всегда успею.

Ветер поднял клубы пыли со склона холма, ещё не поросшего зелёным покрывалом сочных трав, и хан решил укрыться в шатре. Тяжело опустившись на ковёр возле походного резного столика с низкими ножками, уставленного богатыми яствами, Дамир наколол на нож большой шмат жареного мяса, жадно откусил. Сильный порыв распахнул полог, едва не задул угасающий в огонь. Хан встал и подбросил дрова в очаг. Паленья затрещали и пламя вспыхнуло с новой силой. Усевшись на подушки, Дамир отхлебнул белесый напиток из кувшина и откинулся на стену шатра. Высокий, жилистый, со смуглым лицом и слегка впалыми скулами, в отблесках пламени он казался собственной тенью. И лишь не затухающие огненные всполохи в яростных глазах не давали никому забыть, что с ханом нужно быть настороже.

Этот поход оказался тяжелее предыдущего. Дани с покорённых земель собрали немного. И вот когда Дамир решил, спалив всё на пути, повернуть назад, ему попался этот русич. Уж он сумеет извлечь выгоду.

«Купец шёл мимо..., как там его величают... Рязань?» –

думал хан. — «Стало быть, что-то да знает про этот город на таких желанных мне землях».

Отдав последние распоряжения ночной страже, Дамир устроился на походной лежанке. Тихое потрескивание поленьев в очаге и думы о грядущем, постепенно погружали в беспокойный сон. Если он прав, а прав он всегда, то скоро ему понадобятся и свежая голова, и крепкие руки, и...

— Вставай! — купец проснулся от болезненного пинка вбок.

С трудом разлепив глаза и поднявшись с остывшей за ночь земли, рыжебород заохал, заскулил. Перед ним, сложив огромные ручки на груди, стоял Мансур. Этого басурманина купец страшился больше остальных. Его появление не сулило добра пленникам. Вот и теперь, жёсткий удар в спину и железная хватка, которой Мансур вцепился в руку, образумили замешкавшегося русича.

— Иди. Хан зовёт.

Светало. Большинство костров погасло. Кочевники чистили сабли и занимались лошадьми, словно и не ложились вовсе. Спотыкаясь и охая, рыжебород бежал рядом с Мансуром, опасливо поглядывая по сторонам.

Хан сидел у шатра на походном троне. Загодя принявшись низко кланяться, купец подошёл ближе. Кыпчакский властитель молча встал и распахнул перед ним полог, приглашая внутрь. Косясь то на Мансура, то на хана, рыжебород вошёл

в шатёр. Множество ковров, шелковые подушки на лежанке, выложенный камнем очаг, резные светильни и кувшины на низеньком столике. Купец замер, дивясь красотой жилища басурманского хана.

– Сесть не предложу, – Дамир медленно ходил вокруг, разглядывая пленника. От его ледяного голоса и колючего взора по спине купца пробежал холодок.

– Мы скоро двинемся в путь. Ты для воинов обуза, да и мне боле не надобен. Всё, что у тебя было: товар, челядь, девчонка теперь принадлежат мне. И хотя сбруя и ремни у тебя дрянные – для ловушек сгодится. Прислужники твои, крепкие, но мне без надобности, ибо не мастеровые – я их продам. За таких сильных рабов мне дорого заплатят. А вот твоя дочь! Она стоит дороже всего скарба. Ведомо тебе, что с ней станется в моих краях? Она будет рабыней у богатого бея или хана, а может статься, он сделает её наложницей. А когда надоест, сменяет у Джанга на клинок или ткани. Джанг любит такой спелый товар. Сказать, что с ней станется? Она украсит собой пир Великого мавра. Живая или на вертеле.

От этих слов купца бросило в жар, затрясло, будто в лихорадке, к горлу подкатила удушающая тошнота. Слава о кроважном мавре-людоеде, торговце рабами из Персии, поставлявшем живой товар во Фрикию, докатилась и до Руси. Правду сказывали, али нет, но попавшие к этому изуверу, зубами разгрызали себе жилы, бросались под копыта несущегося табуна, кидались на острые пики, лишь бы не остаться

живыми. Участъ рабов, попавших к нему, незавидной. Лучше сгинуть, пасть от меча или сабли басурманской, чем быть съеденным. Подумав о жуткой участи для дочки, купец переменялся в лице, впал в оцепенение, а потом рухнул на ковёр, завыл, ползая на коленях перед ханом, и бессвязно запричитал.

А Дамир, словно не замечая горя безутешного родителя, лишь улыбался.

– Ты можешь выбрать, – склонившись к несчастному, прошипел хан, – сдохнуть, как пёс посреди поля, на забаву волкам да воронью, или служить мне. Может статься, я передумаю продавать её. Кто ведает, может, и отпущу вас.

Купец смолк, вскинул голову и посмотрел на басурманина. Как же он ошибался! Ему казалось, что страшнее Мансура нет. Но хан Дамир заставил бояться сильнее. Разве могут сравниться огромные ручищи араба, его гигантский рост и свирепый взгляд, с коварством этого молодого хана? Мысли носились в голове, что стая диких уток, вспорхнувших из высокой травы. Узрев для себя и дочери зыбкую надежду на спасение, купец схватил руку хана и принялся целовать. Но Дамир вырвал кисть из толстых пальцев и отшвырнул сапогом, ползающего у ног рыжеборода.

– Решил сохранить дочь? Стало быть, поживёшь и сам.

Хан присел рядом, и, больно схватив купца за волосы, потянул его голову вниз.

– По первой сказывай мне, что за град на холме в изгибе

реки стоит? Кто в нём правит?

Полог приподнялся, и, заслоняя собой свет, в шатре появился Мансур.

Выслушав сбивчивый рассказ купца, хан задумался, потом тихо заговорил.

– Ступай в град на холме. Узнай, сколько башен на стенах, да ратников на них. Сочти ворота и стражников, кои стерегут их. Разузнай, какие из них завсегда открыты: где свободно ходит люд торговый и ремесленный, а которые запорами скованы. Узнай, есть ли всадники в дозоре и где стоят.

– Рязань град маленький. Там чужака сразу приметят, – жалобно заскулил купец.

– Верно, говоришь. Потому возмёшь немного своего дрянного товара в мешок. Продашь его в лавку по сходной цене, если сможешь.

Хан хмыкнул и отвернулся, размышляя о грядущем.

– А моя дочь? – голос купца дрожал, как и он сам. Ему не хотелось оставлять девочку у басурман. Страшился, что больше её не увидит.

– Она останется тут. Без моего слова её никто не тронет. Но помни! Если к закату третьего дня не воротишься – девочка умрёт страшной смертью.

Купец, давась слезами, молчал, перечить не решился. Да и толку возражать? И головы лишишься, и дочь погубишь.

Светило ещё не поднялось, когда, издали взглянув на спя-

щую девочку, купец отправился в город. В пути он то и дело ощущал на спине ледяной, колючий взгляд хана, оборачивался, пока виднелось подножье холма. Но с вершины за ним никто не следил. И невдомёк купцу то, что трое эргашей¹³ по лугам и перелескам сопровождают его. Лишь когда он добрался до крайнего дома деревушки, что примостилась возле городских стен, провожатые притаились в лесочке – ждать.

У ворот, прохаживаясь взад-вперёд, скучали два ратника. Посматривая на башню городской стены, они тихо переговаривались, глядя как стражники лениво вертели по сторонам головами, то и дело зевая.

Жизнь в Рязани текла помаленьку, разморённая припекающими лучами. Через ворота вышли деревенские женщины с корзинами, въехала повозка с зерном, да путник, каких много захаживало, в пропылённом плаще и с мешком за плечами прошёл за ней вслед и растворился в шумных рядах торгошца.

Светило почти скрылось за лесом, когда в корчму у речных ворот, спотыкаясь от усталости, ввалился мужичок. Оглядев взором, полным обречённости, немногочисленных посетителей, он рухнул на лавку у двери и тяжело вздохнув,

¹³ Эргаши – соглядатаи, тайно или явно сопровождающие.

прикрыл глаза. Добротная одёжа, перепачканная землёй, рыжая борода со следами спёкшейся крови, слипшиеся волосы, торчащие в разные стороны из-под измятой шапки, да голодный взор вызвали у завсегдатаев жалость и сострадание.

– Ряха! Поднеси чарку мёда бедолаге, не то сгинет у тебя на пороге. Кто к тебе захаживать будет, коли в твоей корчме люд пришлый помирать станет? – покачал головой в углу посетитель в дорогом кафтане, и, рыгнув, принялся уплетать добрый кусок пирога с грибами и жирную утку.

– Слыхал я, на Муромском пути опять разбойники лютуют. Почём зря грабят купцов да путников, – поведал сидевший напротив ратник.

Он отломил половину от краюхи хлеба и, положив на стол, махнул Ряхе головой в сторону рыжеборода.

– А может басурман какой в наших краях завёлся? – слышалось из тёмного угла.

– Откель ты, мил человек?

Опустив на стол перед рыжебородом чарку с мёдом и ломоть хлеба, пожалованный ратником, хозяин корчмы Ряха, уселся напротив. Приоткрыв глаза и с трудом сев, посетитель привалился к стене, взглянул на упитанного детину с красным лицом и толстыми короткими пальцами и перевёл взгляд на стол. Схватив чарку и залпом осушив, вгрызся в краюху. Оторвав зубами кусок и прожевав, рыжебород посмотрел на хозяина и слабым голосом произнёс:

– Разбойники окаянные товары забрали. Меня по голове

дубиной охаживали, да и бросили в канаве помирать.

Ряха, сочувственно кивнув, подскочил с лавки и кинулся в погребок. Вернувшись оттуда с крынкой мёда, налил рыжебороду ещё.

– Пей, мил человек, пей. Страху-то натерпелся!

– Сказывал я вам, – подал из угла голос посетитель, – купцам должно по воде товары возить. Разбойнички-то они пешие, на реке их почитай не водится, чай не рыба.

– И куда ж ты теперича подашься, мил человек? – подливая мёду, расспрашивал Ряха.

– В Ростов мне надобно. Домой, – запихивая последний кусочек хлеба в рот и сметая со стола крошки в ладонь, пробубнил рыжебород.

– Коли так, я тебе подсоблю, – подал голос посетитель в дорогом кафтане. – Купеческим завсегда помогать друг другу должно. Завтрева мои товары прибудут. Апосля, на другой день к полудню из Ростова по реке купеческий караван придёт. Мне их потребно дожидаться, дела повершить. До вечерней зорьки подводы возить товары станут. А как мгла кремешная спустится, то лодьи вверх не пойдут. Купцы Ростовские у Ряхи завсегда на постой становятся. Третьего дня с ними по реке назад воротись. Только уж и ты меня, Кутепу, не забудь. Я в Ростове гость частый.

– Благодарствую, добрый человек, – повалившись с лавки, принялся биться головой об пол рыжебород. – Жихарь я. Меня на торжище в Ростове всяк знает. Я, почитай ужо и

не надеялся выбраться.

– Ты, это! В ногах валяться негоже. А после расплатишься, – отхлёбывая из чарки мёд, пробурчал Кутепа. – Ряха!

– Туточки я! – отозвался хозяин.

– На постой определи горемычного. Да баньку ему снаряди – смердит. Всю корчму провонял, кусок в глотку не лезет.

Глава 3

– Значит, сказываешь, воинов в граде Рязани около двух сотен наберётся? А конных и того меньше?

Колючий взгляд обжигал и жалил словно змея. Тербя шапку, посреди шатра на коленях стоял рыжебород и смотрел на кыпчакского хана, сидевшего на походном троне. Подрагивая всем естеством, он то и дело озирался по сторонам, стараясь укрыться от пристального взгляда.

– Твоя правда, господин. Всё так, как сказываю, – медленно говорил купец.

Вернувшийся, как и велели на закате третьего дня, рыжебород жаждал убедиться, что слово хана так же верно, как и остра его сабля. А заодно выторговать себе и дочке свободу. Посему вознамерился рассказать всё, что видел, слышал и о чём догадался.

– Только к граду неприметно всё одно не подобраться, – поделился наблюдениями купец.

– Откуда знаешь?

– Стены у Рязани крепкие, ворота надёжные. Стражники, что на башнях, зорко окрест себя глядят. Полёвка не пробежит, слепыш ход не пророет, птица мимо не пролетит.

– Так уж и не пролетит? – за спиной купца возник Мансур, отчего тот ещё сильнее задрожал и втянул голову в плечи.

— Град сей на пригорке стоит. А со стен городских всё хорошо видать: и луга, и леса, и пашни, и реку...

Тут рыжеборода осенило. Лицо озарилось радостью, словно он выгодно продал два обоза гнилого товара.

— А ежели, твоя ханская милость, скрытно пройти?

— Как так? Ты ходы тайные за стену знаешь?

Мансур склонился над купцом, ухватит за кафтан, поднял на ноги и встряхнул, будто он щуплый отрок, а не дородный мужичок.

— Про ходы тайные я не слыхивал. Да и кто бы чужаку об том сказывал. С виду град недавно поставили, значит, обустроить тайные ходы еще не успели.

— Тогда сказывай, что разузнал, да поживее. Не то смерть тебе избавлением станется, — вставая, зашипел Дамир.

— Что ты, твоя ханская милость! — принялся кланяться купец. — Всё поведаю об чём узнал. Только не гневись!

Дамир медленно обошёл рыжеборода и встал у него за спиной. До слуха долетело металлическое лязганье кинжалов. Купец икнул, и, повернувшись к хану, бухнулся ему в ноги и затараторил:

— Через ворота, что у реки можно неприметно в город попасть. Я в корчме и на торжище слыхал: назавтра к полудню по воде ждут купца из городу Ростову с товарами богатыми, да ещё большой обоз к реке прибыл. Сказывают, его вверх отправлять станут. Пустые подводы с зори к пристани велено пригнать. Пока лоды разгрузят, да на повозки товары взгро-

моздят. А как раскроются ворота – полагаю, аккуратно после того, как светило за леса спускаться надумает – так твоя ханская милость в город и попадёт.

– Купца, стало быть, ждут, да обоз? И ворота речные раскроют?

– Так и есть, господин! А ещё слыхивал я на торжище, что княжич молодой любит поутру малым походом за стену отправляться: по лугам поскакать, на мечях позабавиться.

Хан покосился на Мансура и призадумался. Медленно вернулся к трону, присел на край. Рыжебород с опаской поглядывал на великана, стоявшего рядом и поигрывавшего кинжалом.

– Что же! – услышал купец тихое шипение хана. – Поживи! Коли ты не сбрежал, мои воины скоро разузнают. Станет всё, как сказывал – сдержу слово. Ежели нет – твоя смерть будет лютой, так и знай! Мансур!

Великан склонился перед господином.

– Пусть отведут его к девчонке, – приказал хан на родном языке.

Мансур схватил купца за шиворот. Тот, кланяясь, попятился к выходу, но потом замер на миг, хотел что-то спросить, но язык, будто одеревенел. Уж больно мягким показался ему голос хана, приветливым. Да и Мансур ни разу кнутом не щёлкнул, плетью не пригладил. Обманчивое чувство близящегося избавления – купец не ждал снисходительности от кровожадного хана.

– Ты ещё здесь? Убирайся, пока позволяю. Мне подумать надобно, – увидав замешкавшегося рыжеборода, прикрикнул хан и тут же добавил на родном наречии. – Убери отсюда эту падаль, смердит, будто тлен.

Великан ухватил купца за рукав и выволок из шатра. Крикнув что-то двум воинам, стоявшим неподалёку, он перевёл тяжёлый взгляд на купца:

– К девке своей ступай, – медленно выговаривая слова на чужом языке, говорил Мансур. – И не показывайся пред очи хана, покуда не призовет. Понял ли?

Купец кивнул и, взглянув на приближавшихся воинов, побрёл навстречу. Спотыкаясь и путаясь от страха в ногах, сделал несколько шагов и оглянулся. Но увидев вышедшего из шатра хана, задрожал всем телом, икнул, и, подхватив полы кафтана, помчался к маленькому шалашу, примостившемуся у большой крытой арбы, убедиться, что дочь жива.

– Что скажешь, Мансур? Не западню ли уготовил мне этот саткыш¹⁴? – глядя вслед удаляющемуся купцу, размышлял Дамир.

– Мой хан! Эргаши оставили его у околицы, на подступах к Рязани. О речных воротах я ранее не слыхал. А ежели мне было не ведомо, то и тебе, господин. Этот саткыш мог бежать. Но вернулся.

– У меня осталась его девка.

– Всё так, господин! Только мне показалось, он нарочно

¹⁴ Саткыш – предатель.

желал убедить тебе в том, как ценна для него жизнь девчонки. Да вот о собственной шкуре всё одно больше печётся.

– Он вернулся! Значит, полагается на слово моё. Верит, что отпущу. Жизнь дочки спасти желает. Стало быть, не слукавил, и о лóдьях с товаром, и обозе – не брехал. Идём.

Дамир взглянул на Мансура и направился к лошадям. Приподняв полог маленькой тесной абры, оглядел дрожащих пленников.

– Я обещал отпустить вас, если плата будет достойной.

– Мы заплатим сполна, коли цену назовёшь.

– Ежели исполните, что велю! – медленно произнёс хан.

– Мы всё сделаем, – закивал рябой.

– Д-да в уме ли т-ты? – зашептал тощий. – От-т-кель ведомо, ч-что ему надоб-бно?

– Нет у нас пути лучшего, чем принять волю твою, – не обращая внимания на нытьё заики, ответил за всех старший.

Хан довольно кивнул и, закрыв полог, пошёл прочь.

Мансур приблизился и с лёгким поклоном заговорил:

– Не затаи злобу, мой хан! Спросить хочу.

– Говори. Лишь тебе и Негудеру я позволяю вольные речи.

Мансур в благодарность за высокую милость склонил голову.

– Ты отпустишь этих глупцов?

Дамир остановился, повернулся к Мансуру, медленно извлёк саблю из ножен и, подняв, принялся разглядывать узор на лезвии.

– Атасы однажды взял нас с тобой в степь, – заговорил хан тихо. – Два маленьких кеде. Он привёл нас в низину и отвалил камень. Земля под ним кишела змеями. Атасы схватил одну и кинул на тебя. Ты помнишь тот день, Мансур?

– Этого не забыть, мой хан!

– Ты испугался.

– Мне было мало лет.

– Ты старше меня.

– Верно! А тебе никогда не был ведом страх, мой господин.

Дамир ухмыльнулся.

– Змея упала на землю и сжалась в клубок. Она уже готова была сделать бросок. Атасы отсёк ей голову. Помнишь, что он сказал тогда?

– Если змея свернётся, обязательно прыгнет и укусит.

Дамир поднял саблю выше, размахнулся, с силой опустил её вниз, срубив стебли сочной травы и ещё не распустившиеся полевые цветы. Медленно подняв голову, он внимательно посмотрел на великана.

– Вели готовить лошадей. Выступим до рассвета. Ты помнишь, в прошлом годе меня посетил Тай Чу?

Мансур кивнул:

– Как забыть этого Богдойского¹⁵ хитреца?

¹⁵ Богдойское царство – так на Руси и в Дикой степи до XVIII века называли Китай.

– Этот манзы¹⁶, старый лис, поведал мне об одной мудрёной затее. Пришёл срок опробовать вашу сарацинову хитрость. Если духам будет угодно, эта битва превзойдёт славу всех сражений, что прошёл атасы, и его атасы. Тай Чу сказывал, вы, сарацины, горазды на всякие хитрости.

Лицо Мансура стало каменным. Если рядом оказался кто-то из кочевников, он и не заметил бы перемен в настроении великана. Но от Дамира не укрылось боль в душе верного раба, вызванная тяжёлыми воспоминаниями.

– Что тревожит тебя, Мансур? – задержавшись у входа в шатёр, хан вынудил великана остановиться. – Ты усомнился в господине?

– Как я смею, мой хан?

– Тогда в чём печаль твоя?

Мансур извлёк из ножен саблю, положил её на ладони и, в знак покорности, опустив голову, склонился перед ханом на колени, вверяя ему жизнь:

– Я не смею, господин!

– Говори!

– Прости меня, мой хан!

– Что ты сделал? – Дамир принял из рук раба саблю.

– Я позволил себе вольные помыслы. Выслушай, а после руби мне голову.

– Говори.

– Когда мы были кедэ, ты дал слово, что не станешь звать

¹⁶ Манзы – китаец.

меня тем, кем я был рождён. Говорил, что отныне и на все времена я кыпчак.

Дамир нахмурился, разглядывая саблю Мансура. Поглаживая лезвие с двумя кончиками, словно язык у змеи, любовался её мощью и красотой. Явуз-хан рассказывал, что этот клинок он выбил из рук отца Мансура, когда войско кыпчаков напало на его караван. Им отец защищал маленького сына. И этим же клинком Явуз-хан снёс сарацину голову. В том караване никто не спасся, кроме, маленького кеде. Дамир спросил однажды атасы, почему он не убил его. Явуз-хан долго молчал, а потом ответил – он сохранил жизнь маленькому сарацину лишь потому, что кеде был немногим старше его собственного сына. Он забрал мальчика с собой. Дамир и Мансур вместе росли, играли, учились ездить верхом, сражаться. Явуз-хан относился к сарацину как к родному, не забывая притом напоминать ему, что он всего лишь раб его сына. Этот клинок Явуз-хан подарил ему, Дамиру, когда впервые взял их с Мансуром в поход. Они ехали по степи, а Явуз-хан рассказывая о сабле, поглядывал на маленького сарацина. Дамир видел, какими глазами смотрел Мансур на пристёгнутый к его поясу клинок – тяжёлый для десятилетнего кеде. Тот поход оказался опасным. Силы были не равны. Так случилось, что в битве Мансур спас ему жизнь, и в благодарность, вопреки воле Явуз-хана, Дамир подарил сарацину саблю его отца. В тот день Мансур принёс клятву безграничной верности и преданности. Он перестал называться са-

рацином, а стал кыпчаком, как и его господин. Дамир вертел в руках саблю и вспоминал. Сколько битв они прошли вместе с тех пор, сколько походов! Но тот день он не сможет забыть никогда...

Посмотрев на склонившего голову Мансура, Дамир вскинул саблю, размахнулся, со всей силы вогнал её в землю и неожиданно, расхохотался. Мансур вскинул голову и посмотрел на хана. Он привык к перепадам его настроения. Рабу, выросшему с маленьким господином в одном шатре, всегда удавалось предугадывать желания, предвосхищать потребности. Мансур знал, когда и как поступит его хан. Но теперь покорный раб не понимаю, что может сулить ему эта внезапная весёлость господина. Хан Дамир не умел радоваться и веселиться, как и Мансур. Они оба выросли в окружении воинов, без материнской любви, без ласки, без теплоты. Мансур изумлённо взирал на хана и не знал, что ждёт его дальше.

– Я ничего не забыл, – перестав хохотать и вновь став серьёзным, заглянул в лицо великана Дамир. – А вот ты, видно, запомнил. Я – хан! Я – твой господин! И я не нарушу слова, что дал однажды. Ты кыпчак. Мой брат. Про сарацин я вспомнил оттого, что Тай Чу прибыл ко мне из Персии и поведал об одной хитрости. Имя ей – сарацинова пасть. Вот её я и опробую в Рязанских землях. Поднимись. Возьми саблю и готовь войско к битве.

Мансур встал, принял клинок и отправил его в ножны.

– Мой хан, что ты сделаешь с градом?

– То же, что и с остальными поселениями. Падёт Рязань, и наш путь в земли русичей станет быстрым и лёгким.

Утро выдалось ласковым и безветренным. Светило, тронув макушки ближнего леса, озарило окрестности яркими лучами, поднялось над городскими стенами и начало припекать. Раздав указания и получив последние наставления, боярин Магута и воевода Артемий Силыч съехали со двора. Владислав окинул взором опустевшую площадь перед теремом и загрустил.

– Что понурый стоишь, княжич? – подошёл к нему сотник.

– Тоска душу гложет, Ивач. С батюшкиного отъезда покоя не ведаю. Вот и Силыч да Яр Велигорович в путь отправились, и ещё горше стало. Думы окаянные терзают, спасу от них нет.

Ивач понимающе кивнул.

– Идём в кузню тоску-кручину железом калёным выжигать?

Взгляд княжича вспыхнул.

– Мы сегодня поедem к перелеску? Ты обещал! И мечи с рукоятками, что косы, давай возьмём, – в голосе чувствовалось нетерпение и решимость.

– Вот Фёдор обрадуется, что ты ради дела ратного свитки

забросил, — с укоризной покачал головой Ивач.

— А вот и нет. Фёдор рад будет, что я в палатах не сижу, а на солнышке в делах ратных разуму набираюсь.

Взгляд воина нежданно-негаданно встретился с глазами княжича. Ивач смутился — опять эти озера.

«Вот же охальник! Коли был бы...»

Осекся сотник, устыдившись мыслей, тряхнул головой. Распахнул ворота кузни и крикнул подручнику:

— Гридя, возьми полдюжины верховых, поупражняйтесь с княжичем в бою у речки. У меня дел порядком. Но дальше за перелесок ни ногой.

И, не дожидаясь ответа, ушёл, оставив княжича в раздумьях одного.

Владислав огляделся. Что-то в голосе сотника настораживало: то ли беспокойство, то ли немой укор за горячность молодецкую. Его тревога передалась княжичу и неприятной дрожью пробежала по спине. Но отказаться от затеи Владислав не мог, да и не желал. Долго бы ещё он стоял в раздумьях, когда услышал за спиной голос сотника:

— Знаю я, как печаль твою излечить.

Ведя под уздцы гнедого жеребца Буяна и пегого мерина, Ивач подошёл к кузне как раз в тот миг, когда из неё вышел Гридя в боевом облачении, держа в руках парные мечи княжича.

Завидя любимца, Владислав приободрился. Бросился к коню, потрепал гриву.

– И то верно, – вскочил в седло княжич.

– Ну, скор! Не успел конюший оседлать Буяна – ты уже верхом.

Ивач стоял в сторонке и наблюдал за сборами.

– А чего медлить-то? – усмехнулся княжич.

Конь под ним перебирал ногами и выказывал такое же нетерпение, как и его наездник.

– Мы до холма проехаться порешили, да с булавами порезвиться, – напомнил Владислав и, стеганув Буяна хлыстом, сорвался с места.

– Придержи коня, княжич. Экий ты, скорый, – преградил путь Ивач.

Буян недовольно заржал и взвился на дыбы. Владислав прижался к шее коня и что-то зашептал любимцу. Молодой жеребец ещё раз взбрыкнул и успокоился, встав как вкопанный.

– Князь Мстислав не велел без верховых выезжать. Непокойно вокруг.

Перехватив удила и погладив гриву Буяна, сотник недовольно воззрился на княжича. К кузне съезжались верховые.

Со стороны казалось, будто воины то ли стужи ждали, то ли бой готовились принять. Плотные рубахи, поверх которых надеты тяжёлые кольчуги, поножи и наручи, шлемы на головах и бармицы. Снаряжение не мешало привычным ко всему дружинникам цеплять к сёдлам щиты и булавы, легко взбираться в седло, перекидывая через колени мечи.

– Ну, скоро ли? – нетерпеливый возглас потонул в шумных речах воинов.

– Едем, княжич! – скомандовал Ивач, и шлёпнул рукой по крупу Буяна.

Малый конный строй направился к ближним воротам. Лишь только всадники покинули стены и въехали на мост через ров, Владислав взмахнул хлыстом, и быстрее ветра помчался к холмам.

– Вот же, неугомонный, – выругался Гридя. – Вернётся князь, всё ему поведаю. Пусть охладит буйную голову.

Лихо стегая коней, всадники пустились вдогонку за княжичем.

Владислав то и дело подхлёстывал жеребца. Ветер трепал длинные волосы на непокрытой голове. Да и Буяну нравилась безудержный бег. Конь летел как на крыльях, проносясь мимо пеших и конных, спешащих в Рязань на торжище. Вот и поле! Один холм остался позади, второй. Буян миновал овраг и перелесок, за пригорком луг и ручей.

«Вон на той вершине меня догонят», – подумал Владислав, – «Дальше не удавалось ускакать».

Княжич нёсся к заветному холму. Обычно его поджидали уже у подножья. Но в этот раз воины явно отстали. Буян лихо взлетел на вершину и... морда к морде столкнулся с конём Гриди.

– Я скажу о сём бездумном поступке боярину и воеводе, а потом и князю! – голос наставника был суров.

– Гридя, ну не серчай! Тебе ведомо, как нам с Буяном либо по холмам скакать, да в гриву и вихры ветер вплетать. Не тревожь князя, пустое. Слово даю, до возвращения батюшки я буду кроток.

Синие как озёра глаза княжича, казалось, заглядывали в самую душу воина. Всем ведомо было, что наследник Рязанского князя честен, прилежен в учении и охоч до разных ремёсел. Все знали, что он редко просит милости для себя, но часто заступает за воинов, конюших и деревенских. И в том не было ни у кого сомнения, что ему можно верить.

– Смотри! Ты слово дал. А слово княжеское держать должно! – сказал подручник и отвернулся, чтобы Владислав не заподозрил потепление в душе воина. – Возвращаемся.

– Гридя, а как же булавы? Ты обещал.

Наставник с укором посмотрел на княжича.

– Ну, что с тобой поделать. Коли обещал, сдержу слово.

Вскоре малая дружина выехала на берег реки.

– Не успел спешиться, а уже мечи в руках? – усмехнулся Гридя, глядя, как Владислав лихо соскочил с Буяна и встал в стойку. Витые косами рукояти новых клинков ладно лежали в ладонях, словно кузнецы именно для княжича их ковали.

– Щит возьми для порядку. Хитрость одну тебе покажу.

– Я по первой на мечях биться желаю, – повелевающим тоном возмутился княжич, возвращая один в ножны и наблюдая, как Гридя отстёгивает булавы.

Став напротив, ратник, улыбаясь, поманил княжича на се-

бя.

– Защищайся, басурман! – закричал Владислав и кинулся на подручника.

Дружинники рассмеялись, а Гридя булавой выбил из рук нападавшего щит.

– В ратном деле, княжич, – заговорил воин строго, отчего смех мигом прекратился, – мало умения размахивать мечом. Надо ещё и головой думать. А то ненароком без неё остаться можно.

Голос Гриди был сдержан и твёрд. Молодые воины притихли, внимательно вникая в наставление.

– Я понял. Буду стараться не расстаться с головой, – улыбнулся Владислав и нанёс крепкий удар мечом, выбив булаву из рук наставника.

– Погодь! – остановил ученика Гридя. Что-то в этой царящей вокруг тишине его настораживало. Он нервно огляделся по сторонам. Ничего. Всё тихо.

– Почудилось тебе, али померещилось? – услышал подручник звонкий голос княжича.

Гридя не ответил.

– Продолжим?

Две лучины успели бы истлеть, пока бились княжич и его наставник, так всё ладно у них получалось. И ещё столько же истлело б в нешуточном бою с другими ратниками, если бы младший из воинов не заметил одинокого всадника.

– Это что за гость к нам? – кивнув подручнику, указал он

вдаль.

Гридя весь напрягся как тетива тяжёлого лука.

– Не ведаю. Мне в который раз уж мерещится, что из перелеска за нами смотрят.

– Пустое. Притомился ты ратуя. Разморило на солнышке, вот и померещилось не пойми чего, – хохотнул другой ратник.

– С виду купец, – отозвался молодой.

– Почему же он тогда верхом и без стражников? – поинтересовался Владислав. – Да и без товара. Ой, ли?

– Разузнаем.

И двое ратников отправились навстречу путнику.

Княжич и Гридя провожали их взглядами. Светило слепило глаза. Оттого никто и не приметил, что за изгибом реки, из-за пятого к восходу самого высокого в округе, холма, с которого Рязань видно, будто на блюде, тонкими столбами поднимался сизый дым.

–...Вот так потерял я людей. Дрянные стражи оказалась. Перепились в первой же корчме, – жаловался купец, сидя у костра. – Делать нечего, двинулся я далее. Думаю, до града ближнего доберусь, найму сызнава. Остановился на ночлег у деревушки. Старушка лекарка меня приютила. А утром на зорьке двинулся в путь. Когда проезжал холмы – померещилось мне. Ну, я и давай стегать коней. А они понесли, да пря-

мо на поросль, а потом к воде. Вот так и сподобило меня свалиться в речку. А вас увидал – обрадовался. Дай, думаю, подмоги у добрых людей попрошу, авось не откажут. Повозку самому мне никак не вызволить.

Слушая купца, Гридя сидел в размышлении, ратники хмыкали, и лишь княжич внимал с интересом, искоса поглядывая на воинов. Задумчивый взгляд подручника настаивал. Беспокойство прохладным ветерком пробиралось под одёжу.

– Нижайше прошу, помогите вытащить поклажу, – умолял купец воинов, не обращая внимание на княжича. – Это недалеко. За тем лесочком, у изгиба реки. А я вашим жинкам, за то, платков нарядных, ленточек шелковых, да тканей на сарафаны пожалуйю.

– Ну, да ладно, что с тобой поделывать, – встал, наконец, Гридя. – Поможем.

Обрадовался купец, словно только того и ждал. Подскочил с земли, как молодой, засуетился. Будто уверен был, что не откажут. Спешно костёр разметал, хоть и не просили его – явно торопился. Не по нутру Владиславу оказалась эта суета! Ох, не по нраву!

– Неладное чую, не к добру сие! Давай за подмогой пошлём? – схватил Владислав Гридю за рукав.

Тот лишь ухмыльнулся.

– Ты же неробкого десятку, княжич! И силушкой не обделён. Вон как лихо нас раскидал. Игнату, вишь как, дю-

же тяжко пришлось под натиском твоим богатырским. Чего спужался-то? – наскоро поправляя упряжь, отшучивался подручник. – Сами управимся. Не впервой, чай!

Княжич оглядел ратников. Незнамо откуда взявшееся беспокойство никак не хотело покидать. Но, глядя, как спокойны воины, поразмыслил: может ему привиделось дурное, и в том, что купец поспешает, нет ничего худого?

Путь до лесочка оказался недолог. Редкие деревья перелеска кончились, а луг, широкой скатертью раскинувшийся за ним, хорошо проглядывался. Окинув взором окрест себя и не приметив никакой опасности, княжич немного успокоился.

За лугом началась низкая поросль с редкими деревьями, а за ней овраг. Послышался шум воды. Всадники спустились с пригорка, и их взорам предстало удручающее зрелище: груженная по виду тяжёлыми мешками и тюками телега, наполовину свалившаяся в реку.

– Эко тебя угораздило! – воскликнул Гридя, спрыгивая с коня.

– Да, вот же. Никак самому не управиться, – продолжал жалиться купец.

Воины спешили. Ухватившись за оглобли, тяжи и навесы враскачку, не без труда вытянули телегу из реки. Поклажа и впрямь оказалась очень тяжела. Княжич с недоверием поглядывал на купца. Станный он всё же. Пока ратники управлялись, он стоял под деревом, коня сваво не привязы-

вал, оглядывался, и даже не помышлял лезть в воду. Но стоило повозке оказаться на берегу, вновь заколготился, задёргался, забегал.

– Передохните, малость, – заботливо суетился купец. – А я покамест пойду хворосту для костра принесу. Обсохнуть надобно.

Сказал, и словно в воду канул, исчезнув в кустах.

– Не по нраву мне сей купец! – только и успел вымолвить княжич.

Над головой просвистела стрела и вонзилась в грудь стоявшему рядомратнику.

– Вороги! – вскричал подручник, и тут же был сражён другой.

Дружинники повскакали с мест, похватались за щиты да мечи. Поздно. Отовсюду летели стрелы, жаля смертоносным остриём верных княжеских ратников.

Владислав не успел опомниться, как оказался в двойном кольце из павших ратников и, перешагивающих через убитых, отовсюду наступавших басурман.

– Я вам живым не дамся! – успел выкрикнуть княжич, пятясь к телеге и выхватывая из-за пояса кинжал.

В какой-то миг перед глазами оказалось лицо купца. Немолодой басурман, крепко держа того за грудки, взмахнул рукой, острым кинжалом перерезал ему горло и, скалясь, отбросил в сторону. Что-то тяжёлое больно ударило княжича по макушке. В очах померкло, ноги подкосились, и он пова-

лился наземь.

Глава 4

Три телеги, доверху груженные тяжёлыми тюками, медленно тащились к городским воротам. Первая лошадь спотыкалась и возчик, больше похожий на захудалого купца, чем челядина, похлопывал её по шее, дёргая за поводья. Прихрамывая на обе ноги, словно его переехал обоз, следом шёл другой возчик. То и дело, озираясь по сторонам, он оглядывался на третьего, тощего как жердь, проявляя нетерпение и беспокойство.

– Эй, отворяйте! – придерживая лошадь за усцы, прокричал первый возчик в добротном, перепачканном сажей кафтане, когда телеги остановились у ворот.

– Чего везёте? – из башни высунулся ратник.

– Товары везём, купца, что по реке пришёл. Отворяй уж, небось, заждались нас.

Ратник исчез, и почти сразу в воротах появилось двое крепких стража. Один, что помладше, высокий, плечистый, остался стоять, преграждая путь всякому, кто решился бы пройти мимо него в речные ворота. Другой, рябой, постарше и пониже ростом, недоверчиво взглянул на людей, подошёл к первой телеге, ткнул кулаком пару тюков, перешёл ко второй. Осмотрев со всех сторон третью, потыкал ещё один мешок, с виду рыхлый.

– Зерно?

– Т-тк-кани, п-пушнина всякая, ш-шерсть, – отозвался худой возчик.

Ратник кивнул и пошёл к воротам. Проходя мимо средней телеги, ещё разок ткнул кулаком в поклажу и махнул рукой.

– Проезжайте.

– Б-благодарствуем!

Громыхая по вымощенному брёвнами настилу, обоз въехал в ворота. Одна телега, скрипя навесами, направилась к княжескому терему. Две другие, свернув в узкую улочку и проехав пару дворов, остановились. В лучах заходящего весеннего светила заплясали тени и, словно хоронясь от досужих взглядов, скользнули к городской стене.

– Чего встали? Ни проехать, ни пройти.

От неожиданности возчики вздрогнули и обернулись. По деревянному настилу, ругаясь почём зря, плюгавенький мужичок в рваной рубахе тащил на верёвке козу. Злясь на весь белый свет, он осыпал упирающуюся животину ударами лозины.

– Шевели копытами, скотина беспутная. Всю душу мне вынула, окаянная. И вы тут с телегами вашими. Чаво шастаете? Чаво вынюхиваете?

Возчики переглянулись и наперебой стали успокаивать встречного.

– Добрый человек, не серчай, сделай милость.

– З-зап-плутали м-малость.

– На торжище надобно нам. Товары знатные везём.

– Д-дорогу не ук-кажешь?

– А... Купеческие, стало быть? – пробурчал мужичок, покосившись на заику. – С пристани значит? Заждался вас, заблудших-то, Нечай, тиун боярина Яра Велигоровича с зорьки самой челядь от себя не пускает, вас дожидается. На всё торжище крику с утра: «Где эти шельмы! Куда подевались?» Мальчонку сваво загонял, всё на реку посылат.

– Да разве ж в том наша вина?

– М-мы люди п-подневольные!

– Ну да, ну да! – закивал головой мужик и об чём-то своём задумался, подёргивая за верёвку козу, которая смиренхонько стояла возле телеги и поглядывала вокруг.

– Т-так дорогу ук-кажешь? – дёрнул его за рукав заика.

– Туда, туда ехайте. Вон, где колокольня небо подпират, – махнул мужичок в сторону. – Токмо, вы того, станут бранить, так вы молчки, молчки. Да очи долу. Тиуну перечить не моги. Он у нас нраву лютого! Кто слово поперёк сбает, тому батагов навалает, ног не сдвинуть, рук не поднять. Эх, горемыки!

И, хлестнув козу для верности ещё разок, мужичок потащил животину дальше.

Подождав, пока плюгавый скроется из виду, возчики стеганули лошадей, и обоз медленно пополз вдоль крепостной стены. Несколько раз останавливались телеги, прежде чем добрались до торжища. Как же тут было многолюдно! Купцы

заезжие предлагали заморские диковинки, аксамитовые ленты и ткани, пушнину, соль. Мужики подолгу задерживались у телеги кожевника. Свой-то в прошлую зиму помер бездетным. Теперь вся надежда была только на пришлых торговцев. Ребятки малые цеплялись за мамкины юбки, путаясь под ногами.

Между лавками и лотками сновали то тут, то там пышнотелые девицы в нарядных сарафанах. Длинные косы, украшенные лентами, спелыми колосьями лежали на груди или свисали за спиной. Дольше всего они задерживались у лотков с костяными гребнями, вышитыми накосниками, украшенными жемчугом корунами и перевязками. Много было и деревенских девиц в простеньких сарафанах и берестяных очельях. Они приезжали с матушками на торжище за нарядами к свадьбе. Височные кольца разных размеров да жемчужные ширинки бережно заворачивались в платки и отправлялись в лубяные кузовки, купленные на соседнем лотке у Щени и его сыновей. Каких только корзин тут не было: ивовые, берестяные, и прочие из разных веток, большие и маленькие, круглые, длинные, коробами. А ещё у Щени самые знатные в округе детские люльки. Каждого покупателя Щеня отправлял на соседнюю улицу в кузню, где в подручниках подъедался сын его сестры Пруша. Вешая рядом с подтопком колыбельку, молодухи могли не опасаться, что она оборвётся. Прушины кольца с мотком славились по всей округе. Крепкие. Надёжные.

– Веретёнца, иголки!

– Ленточки, колечки, бусы, жемчуг речной! – зазывали щепетильники.

Сбоку от колокольни возвышался большой терем боярина Яра Велигоровича, задним двором выходявший на торжище. Перед воротами взад-вперёд, теребя бороду, расхаживал немолодой тиун. Завидя въехавший обоз, он остановился, и, подбоченясь, уставился на возчиков.

– Явились? Доколе ждате вас, словно не с реки, а из самого Киева сюда на подводах скрипели, – раскричался Нечай, осматривая телеги. – А ещё одна куда подевалась? С пристани передали, три должно быть.

– Так нам старшой велел большую к терему княжескому привезть, – извиняясь, поклонился хромой. – Указал какую надобно, мы и справили. Уж небось там, телега-то. Мы людишки подневольные, нам чаво скажут, так мы туда. Вот, пред очами твоими ясными, благодетель наш, спешили предстать. Да городишко-то незнакомый, заплутали. Насилу выбрались. Ты, добрый человек, чем шуметь, поспрошать бы кого послал.

Скривился Нечай. Глаз прищурил. По всему видать было не нравились ему возчики. Да и кому бы пришлось по сердцу дёрганая, суетливая, нерадивая челядь?

– Ты, шельма, не перечь! Ишь, расхорохорился! Поспрошать! Без пришлых ведаю, чего делать надобно, – подбоченился тиун. – Ужо столько мёду уста твои налили, зиму

всласть прожить можно. Не к добру сие. Замыслил чего, шельма? А ну, сказывай, покуда ратников не покликал.

– Мил человек! Неужто я себе вражина поганая, боярско-го тиуна понапрасну обижать? Мне ещё по земле-матушке ходить не расхотелось.

– То-то! Глядите у меня! Худое прознаю, насыплю бата-гов, ажно до студёных денёчков хватит, – зыркнул Нечай на купеческих возчиков. – Постойте-ка тут в сторонке пока я товары проверять стану, да с очей моих сгинуть и не помыш-ляйте. Найду!

– Т-твоя воля, – кланяясь, лопотал заика, оттесняя хро-мого к торговым рядам. – К-куда мы от-тсель д-денемси?

– Эй, бездельники! – прикрикнул Нечай на челядь. – Раз-гружайте телеги.

Темноволосый отрок в залатанных портах и рубахе, под-поясанной кушаком, сидел на завалинке и старательно про-дёргивал кожаную ленту в поршень.

– Тишата! Ах, прохвост! – выскочила на крыльцо мать, до-родная женщина в синем сарафане и с тугой косой до пояса, свисающей из-под сороки. – Неужто сызнова обувку порвал? Да на тебя одежи не напасёшься! Порты вон латаны-перела-таны.

– Не бранись, матушка. Не мои это. Ладушка поутру на речку ходила, обмотку порвала. Вот... – Тишата протянул

матери обувку младшей сестрёнки.

Мать смутилась. Потрепала сына по голове и тихо сказала:

– Справишь работу-то, тятя на стену опреснок¹⁷ снеси.

– Управился уже. Вот, свяжу...

Проворными пальцами Тишата закрепил обмотку на обувке сестры, подал их матери и, подхватив приготовленный ею для отца увесистый узелок, побежал к городским воротам.

– Гляди-ка, вот и вечерняя трапеза поспела! – кивнул товарищам седобородый стражник со стены, что у башни главных ворот, и принялся спускать лестницу.

По аккуратно выстеленной брёвнами улочке, прижимая к груди припасы, бережно завёрнутые матушкой в рушник, спешил накормить родителя его старшой сынок.

– Тятя! – помахал снизу рукой отрок.

Лихо взобравшись на городскую стену, Тишата принялся раскладывать на перевёрнутой корзине нехитрый ужин – хлеб, молоко, пареную репу.

– Ты, сынок, долгонько-то не сиди, а то мамка заругает, – отламывая краюху, напутствовал отец. – Негоже, коли такого детину баба по улице лозиной гонять станет.

Стражники дружно рассмеялись, по-доброму кивая.

– Небось, за девками уже подглядываешь, а сорванец беспутный? – спросил рябой ратник, хитро улыбаясь.

– Не... – насупился Тишата.

¹⁷ Опреснок – пресный хлеб, не на закваске

– Глядит-глядит! – поддакнул отец. – Токмо мы мамке покуда об том не сказываем. Ранёхонько ему аще в сене копошиться. А за погляд спрос невелик.

– А за какой грех тады лозиной мальчика потчуют? – уставился на седобородого молодой стражник, вышедший из башни.

– Всё те, Полежай, знать надобно! – усмехнулся седобородый. – Небось в тиуны собралси?

– Авось и подамся! Вот, князь-батюшка с посольства воротится, в ноги ему кинусь. А чего? Грамоте я обучен, порядок городской стражи мне ведом. Доколе ж в сторожах сидеть. Опять же, отрока тваво к терему пристрою. Глядишь, обучат аки подобает, да к княжичу нашему в малую дружину возьмут. При деле малец будет, верно сказываю, а?

Стражники загомонили, закивали, соглашаясь.

– Во, вишь, добре, значится, придумано! Тишата, поди, у нас тут ужо как рódный! Сынками я покамест не обзавёлся, жинка двух дочек народила. А помощник мне надобен. Токмо смотри, галдён¹⁸, шалости свои брось. После сенокосу в прошлом годе вся улица видала, как матушка тебя лозиной охаживала. Насилу угомонили бабу. А за какие такие провинности она тебя понукала – никому досёле неведомо.

– Да, за порты рванные, – шмыгая носом, пожалился Тишата. – Я в лес по грибы, по орехи хаживал. Далече зашёл в чащу. А тут зверюга окаянная на меня киданулася. Ну, я

¹⁸ Галдень – шумный, суетливый человек

бежать. Вот за кусты, да ветки и пообтрепался. Насилу живой вернулся. Страху натерпелся, что воронья над пашней. А матушка увидала и давай лозиною прилюдно. Сказывала, на меня портов не настачишься.

– Верно сказывала! – посерьёзней отец. – Мамка твоя баба умная, бережливая, хозяйственная. Ей боярской жинкой стать, проку больше было бы. Батюшка ейный, упокой его душу, сказывал, сватался к ней один, нездешний. Да матушка воспротивилась. Жемчугами сынок боярский сыпал, что листвою, а сам в заплатках. Про него сказывали, добро в его руках огнём полыхает. Вона, видать ей за то ты такой и народился. Одежи на тебя не напасёшься. Лучина и та медленнее тлеет.

Тишата покраснел, что яблочко наливное, опустил низко голову и, утирая нос рукавом, тихонечко всхлипнул.

– Ладно! Буде рассиживаться-то, беги уж. А то нрав у матушки твоей крутой. Припозднишься – отсыплет на оре-хи, не поленится.

– Тятя, а можно я малость за стену взгляну? Погляжу на светило тёплое, аки за лес оно прячется, и мигом домой, – сопя попросил Тишата.

– Ну, погляди чуток! Но уж после не перечь!

Отрок, согласившись, закивал. Седобородый стражник похлопал сына по плечу. Взирая поверх его головы, откусил большой кусок хлеба и встал за спиной.

С городской стены вид и, правда, открывался дивный: баг-

рянец неба богатым узором украшал облака, белыми лентами раскинувшимися по небосклону; зелёные луга, словно шелковые ковры покрывали собой землю, то тут, то там разукрашивая равнины и холмы разноцветными узорами цветов – жёлтыми, голубыми, красными; синие леса в вечерней дымке, словно в сизой мгле тонули в закате. Вдали у реки виднелась одинокая высокая разлапистая ель. Они всегда любили с Ладушкой возле неё играть – он прятался, а она искала. Всякий раз, когда Тишата взбирался на дерево, острые ветки хлестали по лицу, по спине, больно кололи шею, не давая дышать. И чем труднее был подъём, тем тише он сидел в ветвях, и тем сложнее было сестрёнке разглядеть его под огромными колючими лапами.

Порыв ветра принёс запах дыма. Рядом с головой раздался свист. Что-то больно царапнуло лицо.

– Ай!

Тишата схватился за щеку, потёр. На пальцах остались следы алой крови. Кто-то сильно потянул его за рубаху. Тишата обернулся. Широко распахнув глаза, отец беззвучно раскрывал рот. Сжав руку сына, он оседал на деревянный настил. Хлеб, что с любовью пекла матушка, вывалился и теперь лежал на бревенчатом полу.

– Тятя! Ты чего? – Тишата смотрел на отца, не понимая, что происходит. – Тятя!

Увлекаемый крепкой рукой отца, отрок повалился на пе-

ревёрнутую корзину, стоявшую рядом. Вжавшись в бревенчатый угол между стеной и башней, он, трясаясь от страха, глядя на то, как привалившийся у ног отец, цеплялся за край его портов, корчился и хрипел. Кровавая пена пузырилась на губах, не давая говорить. На груди расплывалось багровое пятно.

– Клок... колк... – с трудом выдавил из себя отец.

– Тятенька! Родненький! – на глазах выступили слёзы и Тишата принялся утирать их рукавом, содрогаясь от рыданий. – Да как же это?

Из проёма башни, спотыкаясь и цепляясь за срубы брёвен, показался Полежай. Две стрелы торчали у него из живота.

– Тиша... Тишата... – хрипя, позвал стражник.

Обессиленный, он повалился на деревянный помост у края стены.

Разжав пальцы отца, и высвободив штанину, отрок пополз к Полежаю.

– Беги... В колокол... вдарь. Напали...

Тишата проследил за взглядом ратника. Мимо головы просвистела и с противным звуком, врезалась в бревно ещё одна стрела. Отрок посмотрел на оперение смертоносного жала, вонзившегося в стену возле головы. Крупная дрожь нахлынула удушающим запахом долетавшей откуда-то сверху гари. Растерянно окинув взором всё вокруг, Тишата потряс ратника за плечо:

– Кто... напал? Полежай! Да, что же это...

– По... половцы... – простонал он, на миг очнувшись и посмотрев на отрока невидящим взглядом.

Договорить не смог. Глаза закрылись и безвольное тело, под своей тяжестью, перегнувшись через край помоста, рухнуло со стены, едва не повалив лестницу.

Со страху Тишате показалось, что на другой башне городской стены мелькнула голова. Он распластался по настилу, дрожа и поскуливая.

– Колокол! Надо вдарить! – прошептал отрок, собираясь с духом. – Я сдюжу!

Сделав глубокий вдох, он приподнялся и огляделся. Повсюду на помосте лежали сражённые стрелами стражники. Внизу у стены метались обезумевшие от страха люди: жались к домам, хватались за пробегающих мимо ратников, вопрошая о том, что стряслось. Но те лишь отмахивались и куда-то бежали. Со всех сторон неслись крики, стоны, плач.

То тут, то там свистели стрелы, но самих половцев, о который, умирая, сказывал Полежай, отчего-то видно не было. С соседней стены в сторону ремесленных рядов полетели две подожжённые стрелы. Одна вонзилась в крышу дома, а другая в пристройку. Солома тут же вспыхнула, отдавая на растерзание пламени и дом, и спрятавшихся внутри людей. Откуда-то повалил чёрный дым, и всё небо заволкло сизым маревом. Привстав, отрок увидел вдалеке башню речных ворот в огне.

– Колокол! – вспомнил Тишата слова Полежая.

Спустившись со стены, он бросился к торжищу. На тесных улочках было не протолкнуться.

Добежав до кузни, Тишата увидел в дверях Прушу и Ончутку, соседских мальчишек по возрасту таких же, как и он.

Пруша схватил Тишату за рукав.

– Стряслось-то чего? – пробасил он.

– Вороги! – прокричал Тишата, вырвавшись из железной хватки и оставляя в руках Пруши лоскут рубахи. – Басурманы напали! Ивач где?

– Не видал... Они с Кулагой как к Ничаю ушли, так покуда и не возвращались. Одни мы тут с Ончуткой.

Тишата оттолкнул приятеля от входа в колокольню, и стремглав помчался вверх, мигом преодолев три пролёта. Взобравшись на помост, огляделся. Стена у реки уже полыхала вовсю. Ветер гнал пожарище на улицу, где стоял его дом и жила семья подручника Гриди.

– Ончутка! Ончутка!.. – перекрикивая суетливый гам, закричал он сверху.

С тяжёлым двуручником наперевес из кузни выскочил Пруша. А следом за ним перепуганный Ончутка с коротким мечом больше похожим на длинный кинжал.

– Ончутка! Поспешай домой! – прокричал сверху Тишата. – Скажи, своим да нашим пуцай ко рвам бегут. Там у мельницы лаз за стену есть. Ладушка отведёт. Опосля Ивача разыщи. Смогёшь?

Ончутка кивнул, бросил клинок и, петляя между мечущи-

мися по торжищу людьми, что есть сил, помчался по улице, словно на пятки ему наступали копыта басурманских коней.

Тишата намотал верёвку на руку и потянул колокол. Мощный глухой звук раздался над торговыми лотками и купеческими рядами. И в тот же миг людской гомон перекрыли крики и гиканье ворвавшихся с трёх сторон в городские стены басурман.

Тишата тянул и тянул верёвку, заставляя колокол гудеть, глядя, как всадники заполняют улицы, как гибнут под копытами лошадей женщины и дети, как сражённые саблями падают наземь мужчины. В глазах потемнело от злости, когда ему в грудь вонзилось две стрелы. Пошатнувшись, Тишата осел на доски. Внутри горело. Стало тяжело дышать. Рот наполнился солоноватой влагой. Преодолевая боль и накатившую слабость, он вцепился в верёвку и, что есть сил, потянул в последний раз. Голова закружилась и всё вокруг померкло. Тишата повалился сквозь четверик к земле. Зацепившись за верёвку, он повис головой вниз. Под тяжестью бесчувственного тела, беспомощно раскачивающегося посреди деревянной постройки, колокол всё звонил и звонил, разнося по округе скорбные звуки случившейся напасти.

– Обрубить верёвку, – приказал воинам подъехавший к колокольне всадник.

Крупнее прочих половцев, он и выглядел иначе, чем они. Огромный конь под стать седоку, храпел и нервно перебирал копытами, топча валявшиеся повсюду берестяные кузовки,

глиняные черепки и корнеплоды.

– Твоя воля, Мансур! – отозвался один из воинов и бросился исполнять приказ.

– Ах ты, супостат!

Размахивая мечом, из кузни выскочил Кулага, вернувшийся за миг до того. Сразив двух половцев, преграждающих дорогу, он кинулся на всадника. В грудь ему прилетела стрела. Вторая вонзилась рядом с первой. А когда третья пронзила горло, кузнец выронил меч, покачнулся, упал на колени и рухнул навзничь.

– Басурман окаянный! Огнище с небес на твою голову!

Из-за колокольни выбежал Пруша, крепко сжимая тяжёлый двуручник.

Великан ухмыльнулся и спрыгнул с коня. На миг показалось, что он закрыл собой всё небо. Закричав, Пруша поднял тяжёлый меч и кинулся на врага.

Мансур не торопясь вынул из ножен две короткие сабли и, скрестив их, бросился на отрока. Взмах, и голова покатилась по окровавленному настилу. Обтерев лезвия об одежды несчастного убиенного, великан убрал их в ножны и вскочил в седло.

– Властитель жаждет богатой добычи! – глядя сверху на воинов, прорычал Мансур. – Найдите всё, что они прячут. А я поищу, чем тут есть потешить господина.

Бросив взгляд на тело обезглавленного им отрока, равнодушно посмотрел, как один из половцев кинул внутрь коло-

кольни горящую головешку и поскакал к воротам княжеских хором.

Во дворе терема толпились женщины, дети и теремные слуги. За наглухо закрытыми высокими воротами в грохоте, криках, ржании и топоте лошадиных ног по ту сторону, не слышны плач и стенания укрывшихся в княжеском дворе.

– Поспешать надо! – Ивач открыл глубокий лаз под крыльцом, ведущий за стены Рязани и подгонял перепуганных женщин и детей. – Под утёс аки выберетесь, в лес к Агафье пробирайтесь. Схоронитесь на заимке до поры, дабы басурману в лапы не попасть, покуда князь-батюшка не воротится. Коли мы все тут поляжем, поведаете правителю нашему, что за напасть с нами приключилась.

Двое ратников спустились в лаз первыми, освещая факелами дорогу.

– Чего встали, словно идола деревянные? – огрызнулся толмач. – Живо полезайте, не то сгинем не от меча да стел вострых, так от пламени пожарища.

Женщины и дети в нерешительности смотрели на зияющую перед ними дыру.

– Ой, бабоньки! Да сберегут нас духи и боги вышние! Почитай всё лучше самим в землю лечь, чем изуверам этим окаянным отдаться на поругание, – завопила Настасья, жена боярина Магуты, и крепко прижав к себе дрожащих де-

тишек, полезла в чернеющую мглу.

За боярской жинкой, трясаясь от страха, стали спускаться и остальные.

– А княжич-то, княжич наш где? – оглянулся по сторонам Фёдор. – Куда нелёгкая понесла эту голову буйную?

– За стену они с Гридей отправились, – глухо ответил Ивач, в душе надеясь, что княжичу удалось спастись. – Светило ещё высоко по небу ходило. Ежели басурман повстречали...

Договорить сотник не смог. Одна мысль о гибели княжеского наследника причиняла ему нестерпимую боль. О худшей участи для него он и думать страшился.

– Ой, беда! Беда лютая! – хватаясь за голову, запричитал Фёдор. – Что я князю-батюшке сказывать буду? Пошто мне такая кара? На кого уповать мне, когда правитель наш воротится?

– Ты, дурень, не голоси, аки баба, – схватил его за грудки Ивач и, притянув, к себе забубнил. – Почитай мы аще не выбрались, чтобы ответ перед князем держать. Сказывай, как на духу. Сундуки в студенец скинул ли?

– А ты почём знаешь про студенец? – сощурил глаз толмач. – Вынюхивал, как бы княжеским добром разжиться?

– Ты что мелешь, окаянный! Со страху долг свой позабыл? – Ивач приподняв толмача над землёй и с силой потрянул, дабы оклемался.

Фёдор крякнул, задёргался и когда сотник его отпустил,

беспомощно осел на крыльцо. За воротами послышался шум и на головы полетели стрелы. Бабы да малые дети, что ещё стояли на дворе, разом заголосили.

– Цыц, дуры! И себя, и нас погубите раньше сроку, – гаркнул на них Ивач, подталкивая несчастных к дыре в земле.

Убедившись, что никого из женщин не осталось, тиун и стражи отправились за ними. Двое оставшихся опустили деревянный щит, закрывая проход в земле, и засыпали лаз камнями из стоявших под крыльцом специально для тех целей приготовленных небольших телег.

– Фёдор!

Сотник сжал толмачу плечи и хорошенько встряхнул, оглядываясь на трещащие под натиском басурман ворота.

Тот встрепнулся, вздрогнул, когда стрела со свистом вонзилась в крыльцо и, подскочив, побежал вверх по ступеням.

– Скорей! Поспешать надо! – подгонял сотника осознавший происходящее Фёдор.

Спотыкаясь и путаясь в собственных ногах, толмач бежал по теремным палатам. Спустившись в погреб, он указал на большущий короб под стеной. Воткнув горящий факел в скобу на подпоре, Ивач уставился на огромный висячий замок. Видя смятение сотника, толмач хмыкнул.

– Что сокрыто в сём сундуке, негоже нам знать. Но схоронить – должно! Потяни разом вона за те загогулины.

Ивач удивился речам Фёдора. Но сделал так, как тот повелел. Витые крючки, на которые указал Фёдор, не поддава-

лись. Пришлось дёрнуть раз, затем другой, пока внутри что-то не затрещало, и откуда-то снизу не раздался приглушённый плеск воды.

Сверху на лестнице послышались крики. Выхватив меч, Ивач бросился в терем. Фёдор собрался было за ним.

– Схоронись от греха, – на бегу крикнул ему сотник. – Мо-
гёт быть выберешься, так князю поведаешь о случившемся. Ан нет, так разом и поляжем.

Фёдор попятился и, споткнувшись, кубарем скатился в погреб. В свете догорающего факела он с опаской поглядел в дальний угол. Приблизившись, трясущимися непослушными руками разгрёб приваленный к стене стог соломы, обнажив короб поменьше того, в коем спрятана была княжеская казна. Сняв с пояса связку ключей, отыскал выделявшийся среди других своей диковинностью, отпер короб, и, тяжело вздохнув, влез внутрь, попутно загребая на себя соломенный стог. Спустившись по приставленной внутри лестнице в земляной мешок, заскулил от страха, лишь только ноги коснулись дна. Сюда, под толстый слой земляного вала, не проникали звуки. Он не мог понять, что делается наверху, в тереме. Тьма окутала толмача ледяным покровом, сковала руки и ноги, словно цепями.

– Храните меня духи земли! Уберегите окаянного от напастей! Защитите грешника от кары духов и Богов вышних! Смилуйтесь, пощадите... Храните меня... Защитите... – шептал толмач, оседая вниз.

Неожиданного его плеча коснулась чья-то костлявая рука.

– Боги мои, смилуйтесь! Защитите души от напастей! Уберегите от лиха и гибели! – с новой силой в голос запричитал толмач.

Мольбы придали Фёдору смелости, и он решился ощупать земляной мешок. Как сказывал почивший прошлой весной боярин Нагиба Крут Гудилович, самолично распоряжавшийся насчёт постройки княжеского терема, тайников и схронов, внизу должно быть широкое отверстие, а за ним лаз, ведущий через земляной вал ко рву.

Медленно ощупывая стылую землю, толмач наткнулся на что-то ветвистое. С трудом поборов страх и ощупав нечто, шумно выдохнул – то были корни дерева, растущего за колючей. Других поблизости не было, а это, видать, проросло вглубь вала. Именно эти корневища и показались толмачу костлявой дланью смерти. Неожиданно рука Фёдора провалилась в пустоту. Нашупав края лаза и убедившись, что он достаточно велик, толмач вновь вознёс мольбы к духам земли и полез внутрь.

Чем дальше он продвигался к выходу, тем более рыхлой и влажной становилась земля. В какой-то миг она и вовсе стала вязкой и мягкой, задвигалась, заходила под пальцами. Онемев от ужаса, Фёдор осознал, что падает. Спасительный путь, казалось, затягивал его, засыпая сырой землёй. И когда несчастный уже решил, что гибель его настигла и не выбраться ему живым из сырой могилы, ставший вязким, лаз

вывалил его в полный воды ров, изрыгнув напоследок добрую порцию земляной жижи. Небо над головой сверкнуло и прогрохотало. Даром что на дворе была весна, отчего-то по-осеннему ледяные струи небесной воды мощным потоком устремились вниз, наполняя ров, поливая землю, вступая в неравную битву с огнём.

– А, басурманское отродье, нечисть окаянная! – грозя в сторону крепостной стены, сотрясал кулаком Фёдор. – Отведайте-ка гнева Перунова! Не оставил громовержец князя нашего батюшку! Явился-таки на выручку детям своим! Не бросили ни духи, ни старый, ни новый Боженька! Заступники!

По каменистому берегу реки, кутаясь от набежавшего невесть откуда холодного ветра в шушпак¹⁹, брела старуха. С опаской взирая на расползающиеся по небу хмурые тучи и оглядываясь по сторонам, она останавливалась, вздыхала и, опираясь на клюку, шла дальше по одной ей ведомой тропке. Шла, пока не заприметила впереди чёрный валун у кромки леса. А увидав, вздохнула с облегчением – вот и конец пути её трудного, долгого. Избушка Зоремира там, в чаще, притаилась за высокими деревьями, за раскидистыми кустами. С берега её не видать. Коли не знаешь, где избушка та спрятана, то и не сыщешь. Да и тому кто ведает, куда идти на-

¹⁹ Шушпак – кофта удлинённая, балахон, женская верхняя одежда на Руси

добно – тропка не явится. Отведёт колдун взор любому, кто не званным в гости явится.

Остановилась старуха. Огляделась по сторонам, не идёт ли кто следом. И убедившись, что одна, стала подниматься по узкой, заросшей травой, тропке.

Полянка, на которой жил старик-ведун встретила её угрюмо. Мрачно поскрипывали лапы раскидистой ели. Сизым столбом подымался к небу дым, цепляясь за ветви, растворяясь в листве. Оглядевшись ещё разок, старуха открыла дверь и исчезла в пахнувшей травами темноте.

– Пришла? Заждался я тебя, Агафья, – помешивая в горшке ароматное варево, не здороваясь, пробурчал седой старец в длинном балахоне, схваченном по поясу грубой верёвкой. – Наварил я снадобья да мази целебные. Хворых у тебя, почитай, вскорости полон лес будет.

– Здрав буди, мил человек! – Агафья поклонилась, присела у стола и сняла верхний платок. – Что это ты ветру нагнал? Того гляди прольётся небо на землю реками. И страстями с порога пугаешь. Случилось чего? Али беду какую накликаешь?

– Тёмные людишки в округе завелись. Шастают по лесам, по болотам. Воды спокойные мутят, птиц да зверьё пугают.

Старец налил в чарку дымящегося варева и поставил перед Агафьей.

– Подишь-ты! И откель тебе, Зоремир-свет-батюшка, всё ведомо? Вот сколько годков знаемси, а всё никак не свык-

нужь с речами твоими чудными. Людишки, сказываешь? Кто такие будут? Разбойнички, поди?

– Басурманы в лесах завелась. Тёмными тропами идут, вдоль рек да по оврагам хоронятся.

– Чур тебя, чур! Неужто правду сказываешь?

Агафья схватила оберег и прижала к груди. Озябшие пальцы плохо слушались. Она потянулась к чарке, взяла двумя руками, согрела ладони, поднесла её к губам и сделала большой глоток. Благодатное тепло разлилось внутри негой и покоем. Усталость как рукой сняло. Старуха прикрыла глаза от удовольствия.

– Пей, я аще налью.

Зоремир поставил на стол горшок с кашей, принёс ложки да каравай, завёрнутый в рушник, достал миску с жареной зайчатиной. Дождавшись, пока гостя допьёт варево, подлил ещё и сел напротив.

– Ешь, а после на палаты – поживать. Устала, поди, с дороги-то? До зорьки поднимешься. Меня не жди. Я тебе корзинку соберу, да в сенях оставлю. А что с ентим со всем делать, тебе и без меня ведомо. Ворочаться тебе скорёхонько срок. Аккурат, пока дорожка к заимке выведет, так и понадобишься.

– Ох, застрашал совсем! Чудно сказываешь, да непонятно, – уплетая кашу за обе щеки, бубнила Агафья. – Заперси в своей глухомани. Травы да корешки сушишь, зелья всяческие варишь. Оно-то дело ладное, нужное. Моих припасов

на всех горемычных не хватат. Да только откель им взяться-то? Ни в Рязани, ни в деревнях ближайших, хворых и в тягости никого нету. То отбоя не ведала от нуждающихся: княжеские привечали, боярские звали, купеческие кликали, деревенские в ножки кланялися. А теперича тишь да благодать. А ты мне всё про напасти лихие талдычишь.

– Сказываю, значит, так тому и быть! – огрызнулся Зоремир и отправил в рот добрый ломоть хлеба да кусок зайчатины.

– Не серчай, мил человек! – отложила ложку Агафья. – Лучше сказывай, откель про надобности мои прознал, коли сама я об них ничего не ведаю? Тебе всё наперёд знамо. Над духами и людьми власть имеешь. В соседней деревне, вона, ярмарка широкая. Я и отправилась. Шла в одну сторону, а пришла в другую. Как так, коли к тебе и не помышляла идтить?

– Позвал, вот и пришла.

Старик обтёр рот и уставился на Агафью потемневшим взглядом.

– Внимай мне, ибо вскорости токмо тебе отчёт и держать перед князем Рязанским. Половцы град его пожгли – разорили! Много людишек порезали. Беда лютая пришла, да отвели взоры басурманские духи неба грозного. Князю злые языки будут нашёптывать про Дикую степь и дальше, на Великое поле указывать. Токмо ты сказывай ему, пушай туда не идёт. Князю Мстиславу завсегда преданным слугам верить

пристало! Усомнится – беду накличет лютую.

Зоремир замолчал, потом подбросил вверх порошок серого, подул. Агафья заморгала быстро-быстро, раскрыла рот, да только сказать ничего не смогла. А старик, уставившись на неё, тихо нашёптывал заговорные слова.

Когда она тряхнула головой и тяжело вздохнула, смолк и Зоремир.

– Видала?

Агафья утёрла рукавом слезы и, растерянно глядя по сторонам, кивнула.

– Как же так, батюшка? Лихо вольно по земле бродит! Неужто знамо тебе было, что супостат явится? Отчего князю Мстиславу не поведал? Отчего весточку не прислал?

– Посылал я ему грамотку. Сказывал, чтобы не оставлял города Рязани, что вороньё слетается на окрестные поля. Не послушал. Съехал со двора. Что князь! Он стар уже – умом богат, да силы на исходе. А тот, другой, годами молод, умом скор, силой крепок. Но головы не склонит, совета дельного не послушает. Не чтит старость, не кланяется мудрости. Сказывал ему, не ходи на закат, обожжёшься. Пошёл...

– Об ком это ты, Зоремирушка, речи ведёшь?

– О хане половецком я, Агафья. Ему говаривал: не ходи на Русь, пощади себя да люд степной вольный. Не послушался меня хан, пошёл. Лёгкой добычей захотел поживиться, от злобы обиженных напиться. На наветы милостью обделённого, за провинности по справедливости изгнанного поддался.

И вот беда пришла на порог! И ещё явится. Умоется слезами кровавыми Русь-матушка! Да только не ведает хан, что увёз с собой в повозках с награбленным горести людские, печали скорбные. Теперича и у его народа убудет. Беда-то она везде ходит. Во все двери стучится, в оконца заглядывает. Не смотрит, кто таков будешь – княжеский, ханский, купеческий, али челядь беспутная. И в его становище заглянет. Скольких погубил? А сколь ещё поляжет? Его народу опасность грозит лютая, не избежать беды страшной.

– Что ты, старая голова, заладил: «сказывал ему, сказывал...» Нет мне дела, что ты басурману какому присоветовал. Тьфу на него, супостата окаянного! У нас своя беда! Коли так приключилось, то поведай, как людишкам теперь на угольках обживаться? Как малым детям да бабам без мужиков зиму пережить?

– И пошто ты, дура, голосишь? Пошто причитаешь? Вот воротится князь, отстроит Рязань сызнава. Стены-то не все огонь пожрал? Да и дома, хоромы, терема многие в цельности стоять остались. Небо водами на полсажени землю напирало, не дало красному петуху пир править. Людишек пожалела... Кто о них слово скажет, коли стервятник с вороньём скорбным саваном полматушки Руси укроет? Налетят стаи чёрные, застыят собой небо синее! Земля без дождя мокрой от крови станет. Явится на порог супостат пострашнее нынешнего: лютый, милости не ведающий. Прольёт кровавые реки.

– Да неужто, батюшка? Да как можно то Зоремирушко?

Пошто страсти наводишь? Пуще прежнего, горести кликаешь!

– Как есть сказываю тебе, придёт беда лютая. И не будет от неё спасения, покуда не явится богатырь, не снимет голову стервятнику саблей вострой. И как только скатится голова супостатова с плеч, так и вороньё само разлетится.

– Лихие денёчки накликал ты, батюшка!

– Не всё, то худо, что погибель. И пострашнее беды случаются.

– Да можно ли аще страшнее, Зоремирушко!

– А вот воротишься и прознаешь, можно аль нет.

Зоремир убрал со стола, взял с лавки большую корзину и сложил в неё горшочки с мазями, мешочки с травами, крынки со снадобьями лечебными.

– Позднехонько уже, светило за лес спряталось. Ступай почивать. А мне на болота надобно.

– Как же это, батюшка? У тебя в лесу и при свете дня мгла кромешная. До твоих болот далече идти, через чащу пробираться. А теперь ещё пуще стало. Сыщешь ли дорогу?

– Я у себя дома. Мне тут и тропки тайные, и каждый кустик, ручеёк ведом. Кликну волков и пущусь себе в путь неблизкий. Травка мне нужна. Редкая. Такую токмо в одном месте сыскать можно, да и то, по ночи. Опять же, корешки целебные, кора дикая, замшелая, да вода мёртвая. Поиссякли запасы мои. А скорёхонько понадобится, да много.

– Да кому же енто, батюшка? Кого у костлявой из лап вы-

рвать вознамерился? – ужаснулась Агафья речам страшным.

– Цыц, баба шальная! Раскудахталась, что та кура! – крикнул на неё старик, разозлившись на расспросы. – То тебе знать не подобает. Ежели духам угодно станет, кого надо, того и вырву. А ты, знай себе, помалкивай. Да языком где ни попади об чём тут слыхала ни мети. А то ты меня знаешь!

Глава 5

Стояла середина весны: та пора, когда снег сошёл, всё в округе зазеленело, но светило ещё не набрало полной силы. Ночи стояли холодные, а вот дни, напротив, жаркие, порой душные. В такой почти пол-летнему знойный день княжич сидел в светлице и старательно изучал свитки, принесённые толмачом. Владислав с малолетства прилежно внимал наукам, языкам, словесности и стойко сносил учение ратному делу. Не ропща, он преодолевал трудностями. Да и страх ему не был ведом. И всё же, липкое ощущение тревоги не покидало с самого момента расставания с любимым родителем. С этим мерзким предчувствием беды он ложился, с ним же и вставал.

Шёл третий день с отъезда князя Мстислава в Муром. Как хотелось Владиславу, чтобы батюшка остался дома! Но с отрочества заложенное – «Долг превышает всего» – напоминало всяко, кто он есть, и не позволяло дать слабину. Вот и ныне, участвовавшие набег половцев, хазар, болгар и прочих басурманских племён погна-ли его батюшку в столицу. А дошедшие до Рязани слухи о коварном сговоре соседей-славян и вовсе лишили покоя князя Мстислава. Отчего и отправил он гонца в Муром. А оттуда повелели собраться всем наместникам на со-

вет.

– Фёдор! Коли башни и посты в большем числе не то-мо на басурманской стороне надобны, но и на Чернигов-ской, станется ли батюшке втолковать Муромскому владыке об том? Как мыслишь?

Сидевший у окна толмач изучал толстый фолиант, кряхтя и пощипывая чахлую бородёнку.

– А то, как же! Князь Мстислав знатный почитае-мый наместник. В совете ему внемлют! – отложив в сторону книгу, Фёдор внимательно посмотрел на воспи-танника.

– Добро, коли так.

Княжич вновь склонился над свитком. Только тя-гостные мысли никак не покидали. Задумавшись о немн-нуемо грядущем, он исподволь поглядывал на Фёдора. Изображая усердное чтение, княжич не заметил при-стального и беспокойного взора толмача.

– Фёдор, распахни оконце. Парко, – растёгивая каф-тан и не отрываясь от свитка, произнёс Владислав.

Слова княжича выдернули толмача из размышлений.

– Не изволь беспокоиться. Будет исполнено, – затара-торил он и, бойко подскочив с лавки, распахнул пару ма-леньких витражей – окошек.

В светлицу влетел ветерок. И пускай он не был же-ланно прохладным, но привнёс в душные покои свежести. Запахло цветом дерев.

Теремной толмач Фёдор относился к юному княжичу как к собственному сыну. Вырастив его с малолетства, он души не чаял в ученике. И теперь, наблюдая, как воспитанник становится достойным правителем, не переставал напутствовать его. По-отечески учил премудростям всяким, журил за проказы, а то и вовсе вдруг припоминал, что перед ним княжеский отпрыск, начинал, словно девица, краснеть, робеть, заикаться и теряться, не ведая как себя с ним вести.

*– Ты, княжич, не сиди сиднем над учением, шёл бы ко-
сточки поразмять. Что батюшка велел, когда уезжал? Про дело ратное не забывать, на воздухе чаще бывать. Знает он про это увлечение книжное. Есть хоть один свиток, или книга какая, которую ты ещё не читывал? Вон, за зиму как побледнел. Э-эх! Солнышку надо радоваться, кланяться траве зелёной. Ступай-ка ты, княжич, во двор, под светило ясное, под лучи благодатные. А как согреешься, так попроси воеводу Артемия Силыча, Гридю али Ивача, чтоб с тобой на мечах сразились. Булаву, поди, с оттепели в руках не держал? Мастерство ратное каждодневного усердия требует! Да и верхо́м третьего дня не выезжал. Ступай, княжич, ступай. А то батюшка воротится, достанется нам обоим на орехи.*

Владислав кивал, продолжая делать вид, будто читает. Не шла из головы грамота, что батюшка ему пока-

зывал. Донос от перебежчика с соседского княжества. Поди, как прав он? Поди, как от ближних беды ждать? Да и на басурманской стороне неспокойно. Купцы заезжие сказывали, что в ихних краях кочевники шастают, на караваны нападают, люд вольный режут почём зря.

Посидев ещё для виду княжич, отложил свитки, отодвинул книгу и, застегнув кафтан, встал.

– А и то, верно, сказываешь, Фёдор. Пойду-ка я и, правда, на двор.

Княжич очнулся. В голове гудело и шумело так, словно вешние воды кромсали лёд на реке, вскрывая берега. Пересохшие губы разъедали соль и горечь. Руки затекли.

По округе эхом разносилось конское ржание и окрики на чужом языке. Княжич припомнил, как бился с заманившими в ловушку супостатами, как гибли дружинники, защищая его, как ухмылялись злые лица басурман и как померк свет. Муторно. Владислав зажмурился. Даже с закрытыми глазами, казалось, что он летит вниз с ярмарочного столба. Надобно осмотреться, да где взять силы открыть глаза.

Вдали протяжно гудел колокол. Владислав пошевелился. От нестерпимой пронизывающей тело боли помутился разум, и он вновь провалился в черноту глубокого колодца.

В следующий раз княжич очнулся от пробирающего до костей холода. Крупные капли ледяной небесной воды, больно ударяя по лицу и шее, проникали под одежду, и, дальше,

в самое нутро, сковывая стужей душу, сердце и мысли.

До слуха вновь долетела чужая речь. Совсем близко. Владислав прислушался, пытаюсь понять, кто осмелились напасть на Рязанские земли и пленить его. Толмач Фёдор обучал его разным чудным и мудрёным языкам. Кто бы ни напал на их земли, надо попытаться договориться. А там, глядишь, и подмога подоспеет. Батюшка, боярин Магута, Артемий Силыч – они будут искать его, когда воротятся. Ивач! Коли выжил, не бросит в беде, вызволит. Нужно только верить. С мыслями об этом княжич прислушивался к голосам, силясь разобрать хоть слово, но в голове стоял оглушительный гул.

Выждав, пока басурмане удалятся, княжич вновь пошевелился. Сквозь полуопущенные ресницы начал пробиваться тусклый свет. С трудом раскрыл глаза, и... пожалел, что не пал вместе с ратниками.

Картина, представшая взору, выглядела ужасающей. Княжич не сразу поверил тому, что увидел. Сколько же его разум блуждал под чарами дурного сна?

Встряхнув головой и на мгновение зажмурившись, Владислав решил, что надо немного переждать и дать буяну утихнуть и лишь после осмотреться вновь. Но чья-то рука больно схватила за волосы и подняла голову от земли, а возле уха раздалось шипение на родном языке.

– Смотри, пёс, что я делаю с теми, кто попадается мне на пути.

Глаза княжича невольно распахнулись. Взору предстал объятый пламенем град на холме. Колоколья, речные ворота и стена подле неё, деревня на склоне. Всё охвачено огнём. Огромные чёрные тучи, то ли дым пожарища, то ли небесные духи, сгущались над Рязанью, нависали, наваливались, готовые вот-вот пролиться то ли водой, то ли пламенем.

«На сём холму хотел ставить я башню сторожевую», – догадался княжич. – «И помыслить не мог, что окажусь тут пленником и узрю такое».

Под холмом медленно ползли повозки, гружёные награбленным добром. Слышался плач людей и свист кнута. К горлу подкатил горький ком, в голове нестерпимо заболело, и чёрная пелена накрыла и пылающий город, и повозки, и людей.

Когда княжич очнулся вновь, боль немного утихла, и глаза, как-то сразу раскрылись. С тоской окинул взором Владислав то, что осталось от Рязани. Удручающий вид – обугленные брёвна деревянных построек да кое-где дым, поднимавшийся с пепелища. Ветер принёс с холма смрад и копоть. И не поверил бы случившемуся, да очи не обманешь.

Княжич шевельнулся, и тут же почувствовал множество рук на теле. Вороги спешно развязывали скручивавшие его узы. Но надежда на обретение столь желанной воли растаяла, как только ноги вместо тугих верёвок связали конскими путами. Владислав знал этот узел. Жаль, не научился у Гри-

ди его вязать. Так стягивали ноги лошадей на пастбищах. И убежать не сможет, и ходить вольны.

Княжича подняли. Руки скрутили за спиной. Подталкивая копьями, подвели к молодому воину в дорогих доспехах, восседавшему на походном троне.

– Мне сказали ты кня-жич?

Так вот, стало быть, чьё шипение он слышал. Басурманский властитель, ухмыляясь, поигрывал коротким клинком.

– Да! – гордо вскинув голову и разглядывая половца, ответил Владислав. – Ты вторгся в мои земли.

Воин разразился диким хохотом.

– Нет больше твоих земель, кня-же. И града твоего – Рязани – тоже нет! – смакуя каждый слог, говорил он.

– Кто ты? – стараясь не выказывать страх и держаться с достоинством, спросил княжич.

– Меня величают хан Дамир. А ты, кня-жич Владислав – мой пленник.

Дикий взгляд обжигал. Он смотрел на невольника и улыбался. Молодой. Немногим старше самого княжича. Но его взор калёным железом прожигал насквозь, заставлял отвести взгляд любого. Но Владислав и не подумал отворачиваться. Смотрел хану в лицо и видел глаза – жестокие, злые, беспощадные. Сколько смертей они видели? Сколько жизней забрали руки, те, что играют кинжалом? Владислав, не таясь, разглядывал врага. А хан не сводил изумлённого взора с княжича. Ещё никто доселе не отважился на такую дерзость –

смотреть в лицо, не склоняя перед ним головы. Хан привык к ползающим у ног пленникам, молящим о пощаде пленникам, готовым за дарованную жизнь продать всё, что дорого пленникам. Но этот не походил на прочих. Стоял пред ним гордо, не тая взгляда, не опуская головы, не боясь гнева, не страшась участи, уготованной всем непокорным. Лишь однажды хан видел такой взгляд – не воина, но женщины. И тогда этот взгляд был обращен не на него. А он, непокорный степной властитель, ради такого женского взора готов на всё – камни передвинуть, воды рек повернуть, сразиться с несметным войском...

Смутившись, хан отвернулся, устремив взгляд на пожарище, и заговорил с лёгкой хрипотцой, низким, глубоким голосом, который заставил вздрогнуть пленника:

– Завтра мы двинемся в обратный путь. Я собрал достаточно дани, чтобы вернуться в свои земли. Покорись, и, кто знает, может статься, я не сразу убью тебя.

Дамир усмехнулся мыслям и посмотрел на княжича, встретившись с его колючим, полным ненависти, взглядом.

– Ты не хан, ты – тать²⁰! – услышал он твёрдый голос, в котором не было ни капли страха.

Жар ударил в лицо степному властителю. Подобного пленника ему не доводилось видеть. Княжич смотрел на него так, что Дамиру стало неуютно под его взглядом.

– Бежать тебе некуда, да и «не ра-зум-но си-е...» – наро-

²⁰ Тать – вор, грабитель, разбойник

чито медленно, по слогам, произнёс он любимую фразу Ивача. Так говорили многие русичи, но лишь в устах наставника эти слова звучали особенно поучительно.

«Что с ним? Жив ли?» – подумал Владислав.

Из тяжких воспоминаний о верном ратнике княжича выдернул сильный толчок вбок. Оказалось, хан закончил говорить. Половецкий воин подпихнул пленника в спину, уводя вниз к подножью холма. Идти со спутанными узами ногами было, ох, как трудно. Пару раз княжич думал, что вот-вот упадёт. Но выказывать слабость перед супостатами он не собирался.

Его втокнули в небольшой шатёр, примостившийся под холмом у раскидистого дерева. Человек, сидевший в углу, сжался. Княжич удивился тому, кого увидел. Купец. Рыжебород.

Поначалу Владиславу показалось, что и он пленник. Но руки его свободны, да и пут на ногах нет. Злость забурилась внутри княжича:

– Вражина премерзкая, – пробормотал он, страшась, как бы его ни услышали снаружи. – Так, это ты, беспутный, ворогов на земли наши привёл?

Нахлынувшая ярость отодвинула в дальние уголки души раздумья о том, какая судьба ему уготована в неволе.

– Несерчай, твоя княжеская милость, – поднялся купец.

Оправдываясь, он вышел на середину и премерзко лыбясь отвесил поясной поклон.

Княжич попятился назад.

– Отойди от меня, беспутный нечестивец!

Его душили злость и обида. Собравши волю в кулак, он попытался успокоиться и подумать об ином. Голова сильно гудела и кружилась. Хотелось пить. А вот оставаться в обществе этого вражника было противно. Только кто его будет слушать? Не дома чай...

Княжич присел у входа в шатёр и привалился спиной к колу, служившему опорой. Прикрыв глаза, он вспоминал своё детство. Матушку, которую не знал, но о которой слышал много доброго. Она умерла, давая ему жизнь. Батюшку, который так сильно переживал её кончину, что не женился более. Толмача Фёдора, учителя словесности, наук мудрёных, математики и языков иносказательных. Артемия Силыча воеводу, Ивача сотника да Гридю – трёх воинов, наставников делу ратному, друзей. Эх, надо было поприлежней учиться у них. А то все книги да свитки на уме. Может тогда успел бы хоть сколько голов ворогов срубить. Владислав вспоминал, всё, что сердцу любо-дорого, да сгнуло-пропало в бешеном танце огня нещадного.

Тяжёлая голова бессильно склонилась на плечо, и княжич провалился то ли в забытие, то ли в беспокойный сон, где слышался гул колокола, звон мечей, крики и стоны умирающих, и дикий смех хана Дамира.

– Явился! А мы туточки с боярином заждались пра-

вителя нашего! – перебирая свитки, Фёдор недовольно покосился Владислава. – Всё князю поведая! То за книгами цельными днями сидит, с места не двинется, то из кузни не выгонишь. Ладно бы ещё на мечях делу ратному старался. А то звона я слыхом не слыхивал. Чего без толку слоняться, али дела нет иного?

– Не ворчи, Фёдор! Не гневи духов! Сам княжича на двор спровадил, а теперь хулу наводишь, – прикрикнул на разошедшегося толмача боярин Магута. – Ступай лучше, сыщи тиуна. Трапезничать пора. Ступай, сказываю тебе.

Фёдор хмыкнул, тихо выругался, и, обещая всем и вся неминуемую кару, скрипнув дверь, исчез.

– Ты, княжич, на Федора-то не серчай, – усаживаясь на лавку, тихо увещевал Яр Велигорович. – Притомился он, стар стал.

– И в помыслах того не держу. Фёдор завсегда дело говорит. Толку-то, что полдня в кузне провёл – ни на мечях, ни на булавах недосуг было.

– Отчего так? Сотник дело своё запомятовал? Так я мигом напомню.

– Не шуми, Яр Велигорович. Ивач дело ратное хорошо ведает. Грех напраслину наводить. Ты бы видал, какие мечи справные кузнецы выковали! Под любую руку лягут. А Пруша, подмастерье Кулаги-то нашего, такие ладные середнячки сработал! Я их себе заприметил. Ар-

темий Силыч сказывал, для двойного удара мне такие надобны. Рукояти у них витые, словно косы девичьи. В меру длинные, не слишком короткие. Завтра с ними в поле пойду. Ивач обещал. Я ими уж и Прушу подзадорил малость. Добрый ратник с него станется. Сразу за двуручник схватился, не уstraшилcя. Ты бы его видал!

– Вот и ладно!

Яр Велигорович огляделся по сторонам, хотя в палатах никого не было, и заговорщицки понизив голос, зашептал:

– Пока Фёдор суется, взгляни-ка на этот свиток...

Скрипнули доски на лестнице, и раздался стук. Дубовые двери в палаты раскрылись и, кланяясь в пол, на пороге возник теремной тиун.

– Гонец посла Черниговского к князю Рязанскому, – доложил он.

Попятившись и пропустив вперёд средних годов посланника, с сумой через плечо и в заляпанном дорожной грязью плаще, тиун удалился.

– В отлучке князь, – кряхтя, встал с лавки боярин Магута. – Княжичу Владиславу вверяй дело своё.

– Какие вести привёз, добрые, али худые? – отложив свиток, врученный Магутой, так и не заглянув в него, княжич пересел на возвышение в отцовское кресло. – Сказывай!

– Княже! – с поклоном произнёс гонец. – В град Ря-

зань посольство Черниговское путь держит. Дело у него спешное к князю Мстиславу Игоревичу. О чём говорить будут, то мне не ведомо. Дело тайное! Велели известить, посольство прибудет через два дня.

– А ведомо ли послу Черниговскому, что князь Мстислав третьего дня в Муром направился, совет держать о границах наших?

– Стало быть, не ведомо, княже, коли посольство едет.

На лестнице послышался тяжёлые шаги. В палаты, загромоздив всё своей мощью, ввалился Артемий Силыч.

– Тиун сказывал, гости у нас Черниговские на ночь глядя? – смерив взглядом посланника, поинтересовался воевода. – Хороша ли охрана у посольства? Все ли припасы в достатке?

– Пять десятин тяжёлых и лёгких верховых да пара дюжин ратников. Благодарствуем! Нужды в стражниках и провизии не имеем, – заверил путник и с поклоном протянул грамоту.

Запыхавшийся Фёдор, вынырнул из-за широкой спины воеводы, принят послание и незамедлительно передал княжичу.

Взмахом руки Владислав позволив гонцу удалиться. Сломав печать, развернул свиток и пробежал по написанном.

– Яр Велигорович! – обратился он к боярину. – Надоб-

но встретить посольство. Здесь сказано, они послания важные везут от князя Черниговского для князей Муромского и Ростовского. Дело, небось, срочное. Возьми лёгких верховых, встретишь посла у росстани²¹ и сопроводишь к батюшке. А в Муроме и порешаете, что в Чернигов отписать. Артемий Силыч и ты поезжай.

– Станет ли посол с боярином речи вести, коли у князя наследник имеется? – пробасил воевода.

– А сам как думаешь, Артемий Силыч? Кого посланник боле хочет видеть, дитяню безусого или боярина степенного?

Владислав дочитал свиток и передал его Магуте.

– Поезжай, Яр Велигорович. Твоё слово в Чернигове знают, посол тебе не откажет.

– А ты как же, княжич? – обеспокоился Андрей Силыч.

– А куда я денусь? Али боишься, станется со мной чего? Слово даю, от града не удаляться. Разве, что с Ивачем до холма и мигом обратно.

В двери постучали. На пороге появился сотник.

– Готовь лошадей, Ивач. Боярин Магута и воевода посольство встречать выедут, да в Муром сопроводить станут. Верховых лёгких дюжину и полдюжины определи в охранение. Ратников пеших не давай, они медлить станут. Провизии и прочих надобностей распоря-

²¹ Росстань – перекрёсток двух дорог

дись приготовить.

Ивач поклонился.

– Исполним, княжич!

– Скоро ли управитесь со сборами?

– Да вот к деннице²² и справим. А к вечерней зоре, коли в пути не за мешкаются, и с Черниговскими посланниками встретиться поспеют. У них обозы тяжёлые, едут неспешно. Наши-то верхо́м живо доскачут. А уж повозки опосля подойдут.

– Добро, Ивач. Ступайте все, мне подумать надобно.

Пробуждение оказалось стремительным и тяжким. Словно чьи-то безжалостные руки с силой выдернули из одного кошмара, чтобы с головой окунуть в другой, ужасающий своей неизвестностью.

Купец тряс за плечи и приговаривал:

– Очнись, княжич. Молю. Пора.

Владислав раскрыл глаза и, оттолкнув предателя, попытался встать. Жёсткие путы врезались в лытки. Поддерживаемый купцом, он всё же встал, пошатнулся и тут же рухнул наземь, больно ударившись. Вновь поднялся и на сей раз устоял. В этот миг в шатёр вошёл хан.

– Тебе надобно научиться ходить, кня-же, – усмехнувшись, растягивал слова Дамир. – Я нескоро освобожу тебя. Ежели отпущу.

²² Денница – ранняя утренняя зорька, первые лучи

Задержав взор на пленнике, он так же стремительно вышел из шатра, как и вошёл. Два кочевника подхватили княжича под руки и выволокли наружу. Светило ещё не встало. В сероватой дымке отчётливо виднелось пожарище. С тяжёлым сердцем лицезрел княжич сею безрадостную картину.

Его протащили мимо взрослых пленников, мимо сбившихся в кучу сынов и дочерей отроческого возраста: боярских, купеческих, ратных, крестьянских да мастеровых. Кыпчаки ловко стягивали невольников верёвкой. Княжича протащили чуть дальше и привязали к долговязому отроку на вид годов пятнадцати. Владислав не сразу признал в нём сына Гриди. Лицо парнишки покрывали ссадины и кровоподтёки. Он с трудом стоял на ногах.

– Ончутка, ты ли это? – тихо позвал княжич.

Отрок едва кивнул.

– Что там, в граде, знаешь? Выжил кто? Спасся ли?

– Нет, – шёпотом ответил тот. Его опухшие губы едва шевелились. – Все пали. А те, что укрылись – сгинули в пожарище.

– Ивач? – с надеждой вопрошал княжич.

Ончутка покачал головой.

– Мы с Прушей в кузне были. Он за меч ухватился. Да здоровенный басурман ему голову снёс. Тешату так и вовсе на колокольне подвесили и горящую палку вовнутрь кинули. Я сам видал.

Отрок сник головою. Его хрупкие плечи содрогались в

немом рыдании. Княжич окинул взором несчастных, и горький ком встал в горле костью острою. Дал бы кто в руки мечи булатные, хоть сколько срубил голов вражьих, подумалось ему. Худой из него получился правитель. Людей погубил. Город не уберёг. Батюшку чести лишил. Не будет ему прощения и милости духов и вышних богов. И спасения не сыскать. Не ждать подмоги с родной земли. Не от кого. Его вина. И расплата за дела его скорбные, уготована, сгинуть в половецких степях. А может, есть надежда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.